

ДОШ

СЛОВО

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ

№1 (3) ФЕВРАЛЬ 2004

23 ФЕВРАЛЯ – 60 ЛЕТ ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

ХРОНИКА ТРАГЕДИИ
1944 ГОДА

стр. 9

Руслан Аушев:
«МЫ ПРИШЛИ К КПСС»

стр. 22

Алла Дудаева:
«НАС ОЦЕНЯТ НАШИ
ПОТОМКИ»

стр. 24

ПОЗДРАВЛЯЕМ

нашего постоянного автора Степана Савельевича Кашурко
с награждением указом Президента Российской Федерации №1429
от 6 декабря 2003 года орденом Почета – за заслуги
в деле увековечения памяти павших защитников Отечества.
Дорогой Степан Савельевич! Желаем Вам крепкого здоровья,
долгих лет жизни и успехов в святом деле,
которому вы себя посвятили!

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ	2
Светлана АЛИЕВА	
ЖИЗНЬ У КАЖДОГО ОДНА	4
Исрапил ШОВХАЛОВ	
НАПСА	6
Рассказ Султана ЯШУРКАЕВА	
КАРАТЕЛИ	9
Хроника трагедии 1944 года	
Степан КАШУРКО	
КАРТОШКА	14
Рассказ Султана ЯШУРКАЕВА	
ТРАГЕДИЯ, ОКРУЖЕННАЯ МОЛЧАНИЕМ	14
Мария КАТЫШЕВА	
ПРИЮТ СКИТАЛЬЦЕВ	19
Репортаж Исмаила КУРБАХАЖИЕВА из Турции	
РУСЛАН АУШЕВ: «МЫ ПРИШЛИ К КПСС»	22
Беседовал Абдулла ДУДУЕВ	
АЛЛА ДУДАЕВА: «НАС ОЦЕНЯТ НАШИ ПОТОМКИ»	24
Беседовал Исмаил КУРБАХАЖИЕВ	
КТО ХОЧЕТ «ВАЙНАХИЮ»?	26
Марьям ЯНДИЕВА	
СПАСИБО ДОБРЫМ ЛЮДЯМ	28
Вячеслав ИЗМАЙЛОВ	
НАШИ В ЕВРОПЕ	29
Репортаж Тины БРЮССЕЛЬ	
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ХУДОЖНИКА	32
Тамара АХТАЕВА	
КОГДА РУШИТСЯ МИР...	34
Мария КАТЫШЕВА	
ПЕВЕЦ, КОТОРЫЙ ЖИЛ СЧАСТЛИВО, НЕ ЗАМЕЧАЯ БЕГА ВРЕМЕНИ	37
Сайд-Усман ЯХИЕВ	
РУБРИКА «СПОРТ»	39
Тамила ДАЙЯ	

ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА И СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

Воспоминания Зайхар ПАСАНОВОЙ о депортации

4

ГОСТИ НОМЕРА

Руслан АУШЕВ: «МЫ ПРИШЛИ К КПСС»

Абдулла ДУДУЕВ беседует с первым Президентом Ингушетии

22

Алла ДУДАЕВА: «НАС ОЦЕНЯТ НАШИ ПОТОМКИ»

Интервью первой леди Чечни журналу «ДОШ»

24

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Очерк Марии КАТЫШЕВОЙ о несравненном поэте

34

Светлана АЛИЕВА

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

В удивительной стране мы живём. Она поражает репрессивным по всему диапазону этого понятия отношением государства к своим гражданам. Не много найдется стран, где власть имущие были бы так уверены, что жестокость и подлость сойдут им с рук. И нигде, пожалуй, не встретишь такого терпения у людей, готовых неустанно ждать улучшения своей участи, такого безграничного доверия к обещаниям очередных властителей. Возмущенные протесты, требования справедливости и здесь конечно, звучат то громче, то тише и реже, а положение не меняется. Не буду перечислять старые, уже ставшие привычными обиды, но об одной скажу, попытаюсь ещё раз пробить железобетонную стену равнодушия к судьбам так называемых "малых народов" нашей многонациональной державы, особенно тех, кто по "высшим", уму непостижимым идеологическим соображениям был подвергнут гражданской казни... за свою национальность.

Что такое национальная репрессия? В этом у нас никто не хочет толком разобраться. Не странно ли? Давно признаны и преданы широкой огласке репрессии политические — индивидуальные, по предъявлению конкретного обвинения, в основном, сводящегося к несогласию с идеологической политикой коммунистической партии, захватившей власть в стране. Также много говорилось о репрессиях социальных — задачей их было уничтожение враждебного пролетариату класса, ущемление в гражданских правах всех, кто что-то имел, чем-то владел до революции, в том числе интеллигенции, объявленной "гнилой" и чуждой новому миру. А вот наличие национальных репрессий упорно замалчивается по сей день, уже в новом веке, хотя пора бы уж дать трезвую оценку всем преступлениям, совершенным в прошлом столетии.

Между тем народы нашей страны один за другим отмечают круглые даты пережитых репрессий — казаки, российские немцы, калмыки, карачаевцы, теперь вот чеченцы и ингуши. Шестьдесят лет назад над ними было совершено беспрецедентное насилие, они были окле-

ваны, подвергнуты массовому, тотальному аресту, депортации, лишены гражданских прав, их язык и культура попали под запрет, их история и само их название были вычеркнуты из списка народов страны, их след на родной земле пытались стереть... Их можно было убивать безнаказанно, это происходило сплошь и рядом. Так, в день депортации, загнав в конюшню больных и отставших от колонн, уже отправленных на выселение, сожгли заживо более семисот человек — чеченских стариков, женщин, детей.

Любому злодейству, как ни старается преступник скрыть свое деяние, всегда найдется свидетель. Или отыщется изобличающий документ. За год до сожжения мирных жителей в райцентре Хайбах, подготавливая обвинение к депортации балкарцев, командир сводного отряда 11-ой стрелковой дивизии НКВД капитан Н. Ф. Накин рапортовал: "Заложников беру, действую беспощадно, население всё уничтожаю, а постройки жгу... За период с 27.11.42 по 30.11.1942 г. уничтожено пять населённых пунктов — В. Балкария, Сауту, Кунюм, В.Чегет и Глашево. Из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 человек!" Знала ли об этом страна? Нет. Об этом стало известно всего лишь десять лет назад. И общество, устав от множества других разоблачений, похоже, не ужаснулось.

Да, эти преступления государства против собственных граждан, способные затмить зверства гитлеровцев, прошли мимо общественного внимания, содеянное прикрито молчанием. Ни покаяния, ни выводов. Будто ничего и не случилось.

Чуть более десяти лет назад приняли было Закон о реабилитации репрессированных народов, да постепенно предали забвению, спрятали под сукно как ошибку демократов, якобы угрожающую целостности России. При том, что наша страна уникальна именно как ФЕДЕРАЦИЯ множества коренных народов, сумма их территорий как раз и создает ее пространство.

Чистильщики из руководства компартии и ее палаческого органа НКВД-НКГБ в пору своего неограниченного владычества обнаружили множество народов-врагов советской власти. Пора, наконец, всерьез разобраться, откуда взялась в нашей истории такая напасть, как травля ни в чём не повинных корейцев, калмыков, российских немцев, греков, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, месхетинских турков, народов

Прибалтики, поляков, ингерманландцев и других. Не потому ли, что этот вопрос замалчивается, не информированные надлежащим образом граждане нашей страны по сей день склонны видеть в репрессированных народах поголовно преступников, изменников родины, людей потенциально опасных?

Чеченцы и ингуши состоят в этом черном списке. Следует заметить, что хотя русского народа в нем нет, он также подвергся национальной репрессии, только в очень своеобразной, скрытой форме. Тут Сталин проявил чрезвычайное коварство. Он утопил русский народ, его сознание в обильной лживой лести, превознося его над прочими, тем самым провоцируя чванство с одной стороны и антирусские настроения с другой. Противопоставляя русских согражданам-инородцам, он щедро сеял обильные семена национальной розни.

И ещё следует заметить, что часть репрессированных народов всё-таки оставалась в мировой истории: сталинское правительство при всем желании не могло изъять из нее, к примеру, корейцев, курдов, поляков, греков, немцев, эстонцев, литовцев, латышей. А вот аборигенные, коренные народы-этноты Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, калмыки — уничтожались, как предполагалось в те времена, на веки вечные.

Так на чем же все-таки были основаны репрессии против этих народов?

Да очень просто — на концепции национальной политики, разработанной лично Сталиным и его приспешниками и утвержденной на 16 съезде ВКП(б) в июле 1930 года. Разработка ее началась еще в 1913 году. Вот как она формировалась.

"Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры..."

Возразить трудно — так и есть. Но революционерам при строительстве нового мира надлежало преобразовать законы истории. И было установлено, что достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией".

Далее была обоснована причина, почему необходимо найти и уничтожить хотя бы один признак. Сказано, что "...рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию...". Уточне-

Мемориал жертвам сталинского геноцида. Грозный, 2004 г.

но, что "...единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри благодаря обострению классовой борьбы".

С 1918 года большевики приступили к разрушению единства нации изнутри путем обострения классовой борьбы — так начались социальные, классовые репрессии — уничтожение казачества и параллельно национальной интеллигенции, что нанесло тяжкий удар по русскому народу, но особенно по народам малочисленным.

Далее было заявлено, что "...деревня является хранилищем национальности..." (10 съезд ВКП(б). 8-16 марта 1921 г.); спустя четыре года подтверждено: "...национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский".

И наконец, в программу скорейшего построения социализма в отдельно взятой стране на 16 съезде ВКП(б) ввели следующее положение: "...В период победы социализма в МИРОВОМ МАСШТАБЕ, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни великогерманским..."

Вот где Сталин проговорился — он не хотел, чтобы великорусский язык стал языком межнационального общения.

Итак, в ходе реализации идей великого вождя была разгромлена деревня — из нее повсеместно изгнали грамотного хозяина, говоря революционным языком кулака и середняка. За сим последовало изъятие и обобществление, то есть разбазаривание имущества сосланных и создание коллективных хозяйств под руководством командированных в деревни пролетарских деятелей, идейно подкованных, но в сельском хозяйстве не сведущих. Естественным следствием

был страшный голод, вызвавший массовые стихийные миграции — бегство гибнущего от голода сельского населения исконных российских и украинских житниц. Так что раскулачивание и коллективизация по сути уже явились первой акцией сталинской национальной политики. Ее успешное окончание поставило на повестку дня выполнение следующей задачи. Вспомним: достаточно отсутствия хотя бы одного из признаков нации, чтобы она перестала быть таковой. Подходящий признак был найден — решено было исключить общность территориальную.

И началось. Русский этнос, оглушая его льстивыми торжественными речами, под всякими благовидными предлогами стали буквально разгонять по всей территории огромной многонациональной страны, особенно по ее национальным окраинам. Русская этническая территория начиная с 1930 года целенаправленно опустошалась. Расправиться таким же образом с республиками и автономиями было труднее. Поэтому власти уже с 1930 года постепенно начали опробовать методы расселения малых и диаспорных народов с мест традиционного обитания в иные климатические условия, подальше от родной земли. Так внезапно учредили Еврейскую государственность на Дальнем Востоке, там, где евреев отродясь не бывало — состоялась, считайте, первая национальная депортация. Но евреев хотя бы не гнали силком, дело пока что ограничилось призывами, агитацией, на которую клюнули многие, но далеко не все. А с Дальнего Востока в Узбекистан были депортированы уже по сфабрикованным обвинениям корейцы — в два этапа, в 1934 и 1937 годах. Затем Сталин взялся расчищать полиэтнический

Кавказ — начал с Грузии, убрав оттуда месхетинских турков, затем греков, из Азербайджана и Армении — курдов. После мирного договора с Гитлером стал наводить порядок в Западной Украине, Западной Белоруссии, Прибалтике, заодно разобрался с поляками, с ингерманландцами, переселив, а частично и уничтожив их, благо в советской стране к тому времени была налажена практика политических, социальных и — теперь уже в открытую — национальных репрессий. А тут подоспела война, значительно облегчив Сталину и Берии изобретение причин депортаций, придав незаконным расправам более пристойную видимость защиты Отечества. Чего проще — выселить Поволжских немцев за потенциальную готовность предать Россию гитлеровцам, а народы Северного Кавказа независимо от того, оказались они в оккупации или нет, за вымышленное пособничество фашистам, измену родине, Сталину, Советской власти. Предателями объявлялись по одному лишь национальному признаку все, вплоть до младенцев, до еще не успевших родиться...

Попиралось все — честь, достоинство гражданина "забракующей" национальности, а о правах и говорить не приходится.

Как тут не вспомнить великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова? Разговор волка с ягнцем — ягненок загнан в угол, ему грозит смерть, а он, глупый, не понимает, пытается оправдаться, доказать, что ни в чем не виноват, но в ответ получает вечный и необоримый аргумент сильного: "Ты виноват уж тем, что хочешь мне кушак!". Сказал и в темный лес ягненка поволок".

Ни в чем не виноваты оболганные, оклеветанные, по сей день оскорбляемые репрессированные народы. С момента преступления, учиненного над ними государственной властью и ее идеологией, эти народы пытаются защитить себя, утвердить свое право на достойную жизнь, приспособляются, невольно теряя на этом трудном пути свои нравственные национальные ценности и тем самым обедняя страну, в которой живут.

Однако наперекор выпавшим на их долю испытаниям они уважают право каждого, независимо от численности этноса, на свою самобытность.

Но самое страшное состоит в том, что в нашей стране сохраняется и продолжает действовать сталинская национальная концепция, и это грозит новыми трагедиями. Ни после XX съезда КПСС, когда был разоблачен культ Сталина и началась реабилитация репрессированных граждан и народов, ни при Хрущеве, ни во времена Брежнев и даже Горбачева никто из приходив-

ших к власти не сумел осмыслить кровавых уроков нашей национальной истории, этого "построения нового мира", должным образом приняв во внимание, что мы живем в стране, сложившейся территориально и психологически из множества народов. Недооценка этого, сохранение сталинской концепции национальной политики привели к распаду СССР. И сегодня, сейчас те же причины ведут к расшатыванию основ российской государственности.

Совсем недавно СССР казался несокрушимым, его пределы — данностью, не подлежащей никаким изменениям. Ныне мы тешим себя иллюзией, будто можно укрепить границы Российской Федерации и навечно утвердить ее территориальную целостность силовыми методами, минуя все заботы о выработке принципиально новой концепции национальной политики, хотя именно это прежде всего необходимо израненной национальным небрежением полиэтнической стране. Мы по-прежнему кичимся державным могуществом, никак не желая понять, что времена изменились. Само слово ДЕРЖАВА, производное от глагола "держать" и, соответственно,

"не пущать" для XXI столетия устарело. Чем упорнее мы держимся за эту явственно отдающую колониализмом имперскую категорию, тем сложнее нам будет наладить нормальную жизнь в стране, тем труднее войти в стремительно меняющийся мировой порядок. А во властных государственных структурах что-то не наблюдается особых подвижек, мы по-прежнему далеки от понимания того, как строить наше будущее. Чего же хорошего можно ждать? Грустно.

Однако вернемся к изначальному поводу этого разговора — 60-й годовщине депортации чеченцев и ингушей. Возвращение изгнанных на родину, восстановление государственности в 1958 году не решили в полной мере национальных проблем тяжело и незаслуженно пострадавших народов. Это болезненно ощущалось в течение последующих десятилетий вплоть до 90-х годов. Надежда на справедливое решение вопроса забрезжила в 1991-м, когда был принят Закон о реабилитации репрессированных народов. Напрасно: ингушам не вернули их родовые земли. Их протест вызвал позорную для всей России резню в Северной Осетии

в октябре-ноябре 1992 г., которая прошла безнаказанно и лишь усугубила набравшие проблемы. А в 1994-м у руководства страны не хватило государственной мудрости политически решить даже еще не конфликт, а недоразумение, возникшее между Чеченской республикой и центром Федерации. Вместо этого державники затеяли бойню с целью перевоспитания чеченцев, затянувшуюся на десятилетие, принесшую столько горя людям всех национальностей. Следствие этого — разрушение городов и сел цветущего края, геноцид, опозоривший нашу страну на весь мир. Государство воюет с собственными гражданами, это ли не безумие?

И вот приблизилась годовщина депортации — 60-летие чеченской и ингушской трагедии, которой не видно конца. Не пора ли призадуматься?

Как хочется, чтобы у наших государственных деятелей проснулось чувство справедливости, пробудилась подлинная, а не показушная вера в Бога! Тогда бы они попросили, наконец, прощения у чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, немцев, крымских татар, у калмыков... И у русских тоже...

новались наши постояльцы, начался какой-то шум. Поскольку наши комнаты разделяли только стена и окно, я в это окно заглянула, вижу — они пришивают погоны к шинелям, суетятся. Зашла, спрашиваю: "Что случилось, вы собираетесь уезжать?" — "У нас сегодня праздник, вот и готовимся к нему", — так они мне ответили... А на рассвете стали доноситься ужасающие крики, женские, детские. Я в это время готовила завтрак для детей, не могла сразу пойти выяснить, в чем дело. Но тут в истерике прибежала соседка, залепетала, еле выговаривая слова: "Говорят, нас ссылают в Сибирь!". Я не поверила, но встревожилась, в растерянности, не понимая, что делаю, почему — то высочила во двор, схватила миску, из которой куры пили воду...

Старейшина села Гази-Махма пытался успокоить людей, кричал во все горло: "Нас повезут только в Хочи-Ара (соседнее село), столько народу дальше и не увезешь, это невозможно"...

Около полудня всех нас под дулами ружей и автоматов согнали к мечети: стариков, детей, женщин, кого с непокрытой головой, кого без теплой одежды, а иных и босиком. Взять с собой что-либо из пожитков запретили категорически. Оказалось, село еще накануне наводнили дополнительные воинские части, привезенные из района. Затем людей разделили и загнали в ближайшие огороды. Если кто-то оказывался за пределами села, его могли расстрелять. Неподалеку был хутор, женщине, что в этот час возвращалась оттуда, повезло: ее только ранило. После обеда в наше село привели всех жителей соседнего Зандак-Ара, и всех вместе под мокрым снегом, который по временам сменялся проливным дождем, по слякоти, грязи, с плачущими детьми, ревушими женщинами, ноющими больными погнали вниз, в селение Хочи-Ара.

Первую ночь все провели под открытым небом. Наутро офицер, который жил в нашем доме, разрешил мне... сбежать домой за теплой одеждой для детей и самыми необходимыми вещами. Но дом, как и все село, уже невозможно было узнать, да и взять оттуда было нечего. То, что можно было унести — унесли, что осталось — разрушили и уничтожили. Скот лежал перерезанный и перестрелянный. А в домах поселили дагестанцев, которых, оказывается, уже привезли. Новые "хозяева" моего дома встретили меня ухмылками и похотыванием. Провожаемая ими, я покинула родное село... на четырнадцать лет...

На второй день мы продолжили путь вниз по реке Ямансу, а на ночь остановились в селе Рогун-кажа. Развели костры иazole их заночевали. На руках у меня было трое детей: старшему сыну — шесть лет, дочери — год и девять месяцев и младшему — год. На следующее утро за нами пригнали американские машины ("студебеккеры"), затолкали в них гуртом, второпях — в неразберихе той погрузки многие потеряли друг друга — и повезли в Хасав-юрт. Вечером того же дня на станции в Хасав-юрте нас ждали железнодорожные составы. Вагоны были грязными, холодными, ехали долго, на людей, быстро слабеющих от стужи и недоедания, набросились болезни, многие умирали. Трупы по пути следования просто выбрасывали на станциях и на ходу. Моего большого брата в дороге разбил паралич.

После двадцати двух суток нескончаемого, для многих рокового пути нас привезли и выгрузили на снег под открытым небом, неведомо где — как выяснилось спустя некоторое время, в Ошской области Киргизии. Жить было, по существу, негде, да и есть нечего. От голода, холода и болезней в первые годы погибло около половины переселенцев. Сирот, потерявших родителей, как мне помнится, по большей части сдавали в детдома. Не прожив в депортации и года, скончался отец моих детей. Потом я и маму похоронила. Чтобы не умереть от голода и хоть чем-то накормить детей, приходилось собирать на скошенных полях колосья (их затем варили и ели). Тех, кто попался на этом стороже или коменданту, арестовывали и сажали. Первые шесть лет запрещалось выходить за пределы того населенного пункта, в котором живешь, даже в соседнее селение ходить не разрешали. Если кто-то нарушал это правило —

давали срок от пяти до пятнадцати лет.

Вначале местное население относилось к нам крайне настороженно: сторонились, запрещали своим детям играть с нами. Как сами же они нам потом рассказывали, их предупредили, что переселенцы — предатели и головорезы, от которых надо держаться подальше. Но со временем отношение к нам изменилось, мы все ближе знакомились с местными жителями, стали общаться, а там уже и семьями дружить. Я до сих пор часто с большой теплотой вспоминаю друзей, которых мы там обрели, а в свой час покинули...

И все-таки самым счастливым был день, когда мы узнали о решении Хрущева восстановить республику. После стольких лишений и мук нам наконец-то разрешили вернуться на родину.

Зайхар не очень охотно рассказывает о себе — это тоже черта не только личная, но и присущая поколению, привыкшему переносить житейские тяготы молча, замкнуто, никому не жалуясь. На вопрос, когда все-таки было тяжелее: во времена депортации или в годы двух последних войн, она скупой ответила, что нельзя это сравнивать, каждая трагедия оставляет свой след.

У этих людей отняли молодость, потом и зрелые годы, пору расцвета, превратили в сплошную изнурительную борьбу за выживание. Они надеялись, что хотя бы в старости познают спокойную, достойную жизнь, когда дети, внуки и правнуки будут с наслаждением о них заботиться. Это не преувеличение, таковы чеченцы, для них забота о стариках — в радость, да вот беда: старцев этих, стойких, мудрых, великодушных и опрятных, несмотря на преклонный возраст, становится все меньше. Их старость безотраднa, искорежена, как земля, по которой прошли гусеницы танков.

Но есть разница. Раны земли еще могут зажить. Когда-нибудь придет мирная весна, поднимется трава... У природы много весен. А жизнь у каждого из нас одна.

ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА И СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

ЖИЗНЬ У КАЖДОГО ОДНА

Исрапил ШОВХЛОВ

не сумевшими понять тех, для кого война была не страшной сказкой, а осязаемой реальностью их прошлого.

В сегодняшней Чечне с каждым днем все меньше остается людей, переживших Великую Отечественную, которая за год до окончания перетекла для них в депортацию, чреватую еще более жестокими испытаниями. Жребий, выпавший нашей героине Зайхар Пасановой, уроженке высокогорного селения Гендерген Ножай-Юртовского района, — отражение судьбы этого уходящего от нас поколения. Сама она рассказывает об этом так.

Точную дату моего рождения теперь уж не узнать, известно только, что на свет я появилась весной то ли 1912-го, то ли 13-го года. В семье нас, детей, было трое. Брат и сестра оба были старше меня. С трудом вспоминаю кончину отца. Мне тогда было, наверное, лет пять-шесть. Помню, я то принималась плакать, испуганно жалась к женщинам, то убегала играть с ребятами, не очень понимая, что произошло.

Матери после потери кормильца приходилось особенно тяжело: кроме нас, малолетних детей, у нее никого не было. А люди в то время кормились в основном земледелием, тяжким физическим трудом.

Через несколько лет, когда мне уже было двенадцать-три-

надцать, нас, как и многих других в селе, "раскулачили": отобрали весь скот, землю, на которой мы выращивали кукурузу и фасоль, сенокосные поля. Наш двор находился в центре села, там стояло два небольших домика. Один из них тоже отобрали для сельсовета.

В январе 44-го в село прибыли военные. Их расселили по семьям, сказали, что они будут строить дороги, помогать колхозникам в их работе. В наш дом поселили пять человек. У нас с ними сложились теплые, хорошие отношения. Мы их кормили, ухаживали за ними. Иногда гости заботливо спрашивали, почему мы не покупаем детям теплую одежду и обувь...

В одну из морозных февральских ночей в комнате, где обос-

Султан ЯШУРКАЕВ

НАПСА

Старуха танцует. Грაციозный танец кавказской женщины. Тело у нее легкое, как осенний лист, что сорвался с дерева и играет с ветерком в сентябрьском саду. Но ее длинное, до пола платье покрыто бесчисленным количеством заплаток, это они делают платье тяжелым, удерживая плясунью на земле. Если бы не висела на ней эта тяжесть, она давно взлетела бы в небо и потерялась легкой пушинкой в его бесконечном пространстве. Ноги у старухи босые, сухие, темно-коричневого цвета, будто выточены из потрескавшейся древесины крепкого казахстанского карагача. Они такие уже тринадцать лет, с тех пор, как их заставили уйти из родного дома. Лица у старухи нет: вместо него маленький, с детский кулачок, клубочек сплетенных и связанных узлом на подбородке морщин. Глаз совсем не видно, они провалились в две маленькие бездонные щели. Сколько ей лет, никто не знает. Она и сама не помнит этого. Ей, наверно, лет девяносто, но может быть, и сто, а чего доброго, все двести.... В руках у старухи большой, старый, круглый, как полная луна, техх - чеченский деревянный поднос, на котором месили тесто, а потом и клали еду, она его вывезла с собой, когда гнали прочь из родного аула, в последнюю минуту схватила, вырвавшись из рук солдата...

Древесина во многих местах уже потрескалась, и старая липовая посуда просвечивает насквозь. Танцует, старуха двумя руками прижимает поднос к своей, такой же иссохшей, как это дерево, груди. Потом, держа одной рукой, кружит техх с собой в танце, снова прижимает к сердцу, гладит руками, ласкает словами: "Мы с тобой домой едем! Домой, откуда мы вышли — ты из дерева, а я из матери..." Она радостно превращает эти слова в пение, и кружится под эту мелодию, кружится...

Народ, которому через тринадцать лет после высылки разрешили возвратиться на родину, продав или бросив построенные здесь дома, выращенный скот и все прочее, скопился у железной дороги. Сложив весь свой скорбь вдоль ее рельсов, люди превратили железнодорожные пути в бесконечно длинные траншеи и днем и ночью ждали, когда же им снова подадут товарные вагоны, в которых весь этот народ привезли сюда в тот день, когда закатилось солнце его простого счастья — жить на земле отцов.... По шпалам, по дну узких траншей между холмами узлов и чемо-данов, и несла старуха свой танец со старым теххом.

— Хватит тебе, Напса, иди сюда.... Сядь, отдохни.... Эх, горемычная... Успокойся, создание Божие, — окликают ее люди, мимо которых она проплывает.

— Мы едем домой! До-мой-ой-ой-ой-ой! — смеется та в ответ, не останавливаясь....

Одни говорили, что она помешалась, когда ее привезли в Казахстан и бросили на снег, другие — что это произошло с ней, когда не вернулись с войны внуки....

Ее муж и двое сыновей погибли в один день в бою с деникинцами, напавшими на их аул за отказ выдать русских большевиков, которые попросили спрятать их, удрав из захваченного белыми Грозного. Аул по горскому обычаю гостеприимства принял беглецов и ни за что не мог отдать на расправу....

Когда сыновья погибли, Напса выпроводила со двора их жен,

своих невесток, сказав, что они еще молодые, им надо найти себе других мужей. Четверых внуков вырастила сама. Невестки действительно со временем вышли замуж и обзавелись новыми семьями.... В сорок втором, когда прошел слух, что лютый немец уже близок к горской земле, Напса построила внуков в две шеренги, повела в военкомат и передала одному большому начальнику, который, как она полагала, состоял в дружбе с самим Сталиным. Начальник тот посоветовал ей одного внука оставить дома, чтобы он помогал ей. Напса ушла, даже не ответив ему на такой совет. Внуки ее в Грозном приняли присягу — их ждал газават, они отправлялись на священную битву с врагом. Ушли и не вернулись....

Как была Напса в доме босой, так и схватил ее солдат в 44-м, парень в такой же форме, в какой ушли на фронт ее внуки. Скомандовал: "Влезай, ведьма!", затолкал в мятый зеленый "студебеккер". Платье на ней было это же самое, только заплаток на нем с тех пор прибавилось много, а тогда было оно легкое, из голубого сатина. Едва успела Напса захватить с собой единственное добро — техх, подаренный ей еще бабушкой, когда она вышла замуж и завела свой очаг.... Когда придет срок, Напса тоже должна была подарить его внучке, но внучки у нее не было, и она говорила, что передаст техх невесте младшего внука.... До самого Казахстана она не проронила ни слова. По дороге сердобольные люди предлагали ей обувь, но она отказалась....

В марте сорок четвертого, на клубной площади казахстанского села Чушкала Напса и начала свой босой танец....

Обитатели села высыпали толпой поглазеть на "абреков", которых привезли с Кавказа. Но "бандиты" выглядели жалко и совсем не экзотично. Это были, в основном, ошеломленные женщины и дети, недоумевающие старики и унылые подростки. Ни у кого из них на голове не росло рогов и кинжалы не торчали в зубах. Наслушавшись злобещих предупреждений, местные ожидали увидеть страшных дикарей, которые, как рассказывал им комендант, до сих пор едят человечину. Многие на всякий случай прихватили с собой топоры, железные вилы, ломы и прочие защитные средства, но, увидев привезенных, стали смущенно прятать весь этот инвентарь за спины. Перед ними стояли измученные, голодные, потрясенные люди, одетые в разное тряпье, чем-то похожие на цыган, которые нет-нет да и заглядывали в эти Богом забытые места.... Жителям стало неловко, потом стыдно, будто они сами привезли в село этих горемык. В души закрадывалась жалость к "разбойникам", "врагам народа"....

— Боже мой! — не выдержала одна русская женщина, увидев, как из саней вытряхивают на снег босоногих ребятишек.

— Вон пурмай, кхудай сакхтаясан! — то же самое на своем языке повторял старый казах, стуча себе по ладони маленькой бутылочкой с носоваем.

"Что сделали эти люди, что они могут сделать?... Они же пердохнут здесь, как мухи!" — говорили глаза присутствующих.

Может, поняв эти взгляды, отказываясь принимать жалость людскую, и начала Напса свой танец. Вдруг, легким ветерком вспорхнув с саней босыми ногами в снег, она воздушно поплыла в танце. Голые ступни ее плавно скользили по корке подмерзше-

го к вечеру мартовского снега. Эти ноги были неостановимы. Пораженные люди застыли, онемев. Танец Напсы становился все вдохновеннее. У зрителей от ужаса расширились глаза. Все отступило назад.... Потом гурьбой побежали, каждому не терпелось скорее заскочить в свой дом. Зевак словно ветром сдуло — площадь опустела....

Кто-то прискакал на лошади и загнал депортированных в холодный сельский клуб. Он же, нагнувшись с седла, стегнул длинным кнутом женщину, которая не переставала танцевать. От этого удара тело ее стало еще невесомей, она обрадованно засмеялась, и движения танца стали прекрасней. Он ударил ее снова. Она засмеялась громче, закружилась быстрее.... воздушней.... Тогда всадник, обозвав ее так же, как солдат, что бросил в машину, пустил лошадь вскачь и вскоре пропал из виду.... Не прекращая танца, Напса запела. Песня была импровизацией, рождалась тут же, вместе с танцем:

**О чеченцы! Не впрок вам пошло молоко матерей!
Когда вы родились, не волчица щенилась в тот час,
То корова телится в хлеву, так-то будет верней!
Постыдитесь, чеченцы, мужские штаны не для вас!
Пусть ослепнут глаза, чтоб на этот позор не смотреть!
Болтуны, вы хвалились, что вами лишь славен Кавказ!
Судный день наступил, что же медлите вы умереть?**

Она села в снег и залилась слезами. Плакала долго. Это был и плач, и протяжный, бесконечный, выворачивающий нутро вой волчицы в горах, когда она, потеряв волчат, говорит с аулом, обвиняя человека в своем горе. Стон Напсы рвался прочь из села, вдаль, к мерзлостому горизонту выстуженной степи, где от него становилось еще холодней. В клуб Напса не пошла, вообще потерялась, исчезла из села, да никто ее и не искал в кошмаре новой жизни. От своих кровных родственников она оторвалась еще в пути, когда вышла при остановке эшелона по надобности....

В тот вечер она пробралась в один из дворов, взяла там лопату

Художник Зарема ТРАСИНОВА

ту и побрела на юго-запад, в сторону гор, откуда ее привезли. Выбрав в степи место, стала копать могилу. Земля, еще не отпущенная зимней мерзлотой, поддавалась трудно, но она победила ее. К утру уже вырыла достаточно глубокую яму. Лопату после этого отнесла и поставила на место, откуда взяла....

"Кто-нибудь потом засыплет", — сказала, спокойно укладывая себя и свой техх в свежерыкопанную могилу.... Прележала там целый день и следующую ночь. Но земля не принимала ее к себе. Она стала упрашивать ее, чтобы приняла. Просила долго, встав на колени лицом к могиле и кладя ей поклоны, отчаянно билась оземь головой и руками. Но земля отказала. Тогда она обратилась к Богу с жалобой, но и он не внял. Напса обиделась на них обоих, встала и пошла в село.... С могилы, что Напса выкопала для себя, берет начало чеченское кладбище в Чушкале, его так и прозвали: "Кладбище Напсы", его единственной пустой могилы так и осталась первая, которая со временем оказалась в самом центре погоста....

Никто не знал, где живет Напса, чем питается, что делает. Если кто случайно встречал ее и спрашивал об этом, она отвечала, что живет с внуками.... "Там, дома.... На Кавказе.... Нас никто не трогал.... Живем хорошо.... Внуки обо мне заботятся, ни в чем нужды не знаю.... Асламбек дрова колет, Гапур носит воду.... Су-сурка кукурузную муку приносит, Гайрбек мясо...."

Однажды Сайдаш — он в тот день хоронил умершую дочку — нашел Напсу спящей в своей могиле и насильно привел к себе. Но старуха сбежала в первую же ночь, чуть только остальные домочадцы уснули. Сайдаш, пасший сельских коров, еще раз встретил ее в степи у могил и упрекнул, зачем ушла:

— Сынок ты мой Сайдаш, я же должна за ними ухаживать. Кто с ними будет, если я уйду? — гладила Напса костлявой ручкой низенькие могильные холмики. — Мой долг накормить их, напоить, кто это сделает, если меня не будет?... Ты уходи, Сайдаш, уходи. Сейчас должны прийти мои внуки. Ступай, добрый человек, они при тебе не хотят подходить ко мне....

И Сайдаш ушел догонять своих коров, они разбегались по степи, пока пастух толковал с Напсой....

Люди скопились на железнодорожной станции, так и живут у обочины железной дороги уже больше месяца. Им теперь некуда идти. Говорят, разрешение, чтобы они выехали домой, дано на самом верху, но никто этого разрешения в глаза не видел, в руках не подержал.

— Это, верно, неправда, что разрешили, а то бы зачем им нас держать? — сомневается высокий худой старик Коная из племени харачоевцев.

— Клянусь душой моего отца, есть такое разрешение! За нами даже уполномоченного послали! Из других мест уже многие уехали, — отвечает ему Несарсолта, который ходит в гимнастерке тех еще военных лет, с винчентным на груди значком "Гвардия". Медали и ордена его давно растаскали дети, и теперь этот значок — главная память, оставшаяся о войне, где он был три года. Ему не раз советовали выкинуть этот кусочек железа, многие чеченцы-фронтовики все свои награды давно повыбрасывали из-за того, что народ выслали, пока они воевали. А Несарсолта ни за что не хотел расстаться со своей жалкой реликвией, хотя все над ним из-за этого значка подшучивали. Вообще-то он самый грамотный из мужиков, окончил целых 7 классов....

— Тогда почему нас здесь маринуют?

— Вроде бы вагонов нет....

— Нашлись же, будь они прокляты, чтобы привезти нас сюда!

Война вроде бы шла, и то не помешала....

— Тогда Сталин был!

— А теперь кто у нас на шее?

— Теперь Хуршов....

— Чтб отец его жил со свиньей!

— Э-э-э, люди, не говорите так, да возблагодарит его Аллах, он послан нам свыше! Я при каждом намазе призываю на него милость Аллаха, — говорит энергичного вида старик, сворачивая

козью шкуру, на которой только что совершил полудневный намаз.

— В таком случае где разрешение, которое он нам дал?
— А где этот уполномоченный?
— Небось, где-то веселится...
— Чтоб мать по нему плакала! Из какого народа он сам-то?
— Из наших, чеченец, говорят, раньше большим начальником был...

— Значит, из тех, кто довел нас до этого...
— И когда эти люди насытятся нашим горем? Как народ застывает от беды, их и след простывает, а только начнем оживать, они тут как тут... Опять становятся нашими уполномоченными...

— Он вроде бы намекает, что мы должны скинуться и кое-какие деньги ему отдать...

— Что-о-о? — Грязный пес! Я ж говорил, что теперь они начнут вырастать, как собачьи невесты (так по-чеченски называют грибы) после дождя!

— Да не горячись, Бициг, может, деньги нужны, чтобы со здешним начальством наше дело уладить...

— Какое еще дело?!

— Ну, чтобы нас отпустили домой...

— Так ведь только что говорили, что Хуршов уже все наладил!

— Э-э-э, человек, где Хуршов, а где мы? Ведь надо же это разрешение получить на руки у здешнего начальства, а может, у нашего уполномоченного, вот за это и требуется, наверное...

— О Аллах, какой ты терпеливый!

— Да оставьте вы все это, братья! Нам ли, бесправным, права качать! Главное, чтобы нас домой отпустили, давайте все отдадим за это. Мы же не за деньгами приехали сюда. Нам домой надо, люди. Домой! Пока умер тот, кто привез нас сюда, и пока жив тот, кто разрешает ехать домой!

— А где он, уполномоченный? Я поговорю с этой помесью осла и чесоточной клобылы!

— Прекрати глупые речи, Сайдаш! Хочешь, чтобы наш путь стал еще длиннее?

— Что они могут сделать с нами хуже того, что уже сделали?

— Если мы разгневаем его, он может уехать, оставив нас здесь...

— Эх, будь моя воля, уж я бы вынул из него душу!

— Умолкни, шенок! Из таких речей не возрастет добро. Прикуси язык!

— Не гневайся, дада Бага, это в нем говорит молодость...

— Чтоб я не слышал от тебя больше ни слова, пока мы не сядем в вагон, молокосос!

— И слов не услышите, и домой не поеду...

— Вот потомство, достойное проклятья!

— Мы же домой... Мы же домой, люди! — несет Напса свой нескончаемый танец по узкому коридору дороги, где стоят, сидят и галдят собравшиеся мужчины.

— Иди к нам, Напса, сюда, сюда! — зовут женщины, что приютились у стены из вещей.

— Некогда мне... Некогда... Некогда... К Сталину иду... За разрешением для своих внуков и тех, кто спит в "могилах Напсы", — отвечает та певуче, не оборачиваясь на зов, и проплывает сквозь строй расступившихся мужчин в сторону здания вокзала...

Мужчины еще долго шумят. Приходят к заключению, что чеченцы самый бестолковый, неприкаянный и лишенный согласия народ, народ без хозяина, сирота без отца, не умеющий жить по-людски... Потом успокаиваются. Договариваются. Возникает организованность. Кто-то притаскивает наволочку от подушки, она еще сплошь в пушинках, и все бросают туда деньги для уполномоченного...

— Чтоб они у него в глотке застряли! — кричит женщина, у которой муж отобрал запряженные за ворот платья деньги, чтобы бросить их в наволочку.

— Да покарает его Аллах за горе моих сирот! — вздыхает другая...

— Чтоб он запекшейся кровью плевался! — говорит третья...

Несколько стариков обходят с ненасытной наволочкой весь людской коридор. Наконец-то она наполняется. Затем другая группа отправляется с нею на поиски уполномоченного. Оставшиеся долго молчат. Каждый задумался о своем. А думы, видно, тяжелые, давит груз тринадцатилетнего изгнания с родины, остающиеся на чужбине могилы родных, неизлечимая память, боль которой никогда не сможет утихнуть...

— А сюда везли бесплатно, — роняет кто-то среди общего молчания, похоже, сам с собой говорит.

— Нет, сынок. То, что уплачено, когда везли сюда, в наволочку не уместится, лучше помолчи, ради Аллаха, — откликается услышавший это старик, его лица не видно из-за большой, жилистой руки, он сидит, сгорбившись: лбом опершись на ладонь, а локтем в колено. Но тут же и рассудительного старика прорвало:

— Самая дорогая цена за все это — оскверненные могилы отцов наших! Ибо слышал я, что из надгробных памятников мостят дороги, улицы, площади тамошних городов... А прочее все земное, сынок...

— Мне один русский в Караганде говорил, будто в Грозном снова поставили памятник Ермолову! Царскому генералу, который клялся уничтожить всех чеченцев и говорил, что не успокоится, пока не увидит чучело последнего из нас в музее, — вмешивается в разговор молодой человек лет двадцати пяти.

— Ты и вправду такое слышал, мальчик? — старик выпрямился, убрал руку со лба, лицо у него оказалось морщинистое, но все еще по-молодецки гордое. В грустной усмешке блеснули целые зубы.

— Так и было, дада, я слышал это, когда учился там в ФЗО, тот русский у нас работал мастером, он и сам приехал из Грозного... Он даже говорил, что нас незаконно выслали.

— Это плохо, сынок, не надо бы Ермолову памятника. Злые люди никогда не бывают счастливы — ни при жизни, ни после смерти, им даже самый большой памятник не впрок...

— Как можно ставить памятник на земле народа его же палачу? Чтобы возбуждать еще больше ненависти к нему?

— Не злобу надо копить, а думать, сынок. Нельзя и дальше оставаться народом, который не задумывается. До сих пор мы жили, как придется, а думали после. Теперь надо жить, думая вперед. Ненавидя его, ты, чего доброго, сам однажды проснешься таким же злобным. А станешь думать — будешь выше их и выше своей ненависти...

Прошло еще несколько дней томительного ожидания. Наконец, вагоны прибыли.

— Это не паровоз их тащит, а наволочка! — сострил кто-то. Но никто не рассмеялся.

— Что стоило сообразить раньше, были бы уже дома!

— Э, брат, если бы мы соображали, нас бы здесь не было, и наволочка бы не понадобилась...

К вечеру народ погрузился в товарные вагоны... Может, среди них были и те, что везли этих людей сюда тринадцать лет назад, а кто-то, как знать, мог даже попасть именно в тот, в котором его привезли...

Напса на поезд не села.

— Влезай, скорее, мы же домой уезжаем! — кричали ей люди. Упращивали, тянули в вагон, но тщетно...

— Я приеду следующим поездом... С теми, кто остался в "могилах Напсы"... С внуками... Нам Сталин разрешение даст... И вагон...

Протяжный, будто голос муэдзина, зовущего к молитве, гудок паровоза перекрыл голос старухи... Вот паровоз пустил густой дым, закашлялся паром, вздрогнул на месте, будто огромный раненый зверь, и медленно тронулся.

— Мы вас догоним! Мы не отстанем от вас! — кричит Напса, исчезая в дыму вместе со своим старым текхом...

КАРАТЕЛИ

К 60-летию великой трагедии чеченцев и ингушей.

Степан КАШУРКО

руководитель поискового центра "Подвиг" Союза ветеранов войн и вооруженных сил, кавалер ордена Святого Благоверного князя Даниила Московского.

Шесть десятилетий назад, 23 февраля 1944 года, в разгар кровопролитной Отечественной войны по распоряжению Отца народов Иосифа Сталина совершилась очередная варварская расправа — изгнание с родной земли чеченцев и ингушей. Вслед за поволжскими немцами, калмыками и карачаевцами они были репрессированы исключительно по признаку национальной принадлежности.

От Главного Кавказского хребта до степей Казахстана и Киргизии более месяца двигались 180 эшелонов с 12-ю тысячами "телячьих" вагонов, до отказа набитых стариками, женщинами и детьми. Мужчины там были в меньшинстве, большинство тем временем с оружием в руках защищали государство, превратившее их семьи в полуживой груз, отняв у измученных людей не просто дом, родину, но лишив гражданских прав, родного языка и культуры.

Подумать только! Одним росчерком пера, без суда и следствия коренные народы великой страны были поголовно приговорены к гражданской, а зачастую и фактической смерти, вычеркнуты из истории, из прошлого и будущего! Ни в чем не повинных людей потому лишь, что они чеченцы, ингуши, можно было безнаказанно убивать, морить голодом, оскорблять, истязать всеми способами, сжигать, расстреливать, закапывать в землю заживо. Что и делалось под аккомпанемент клеветы, на основании обвинений, которые сами-то были ни на чем не основаны. И творили все это не какие-то там фашисты, иноземные захватчики, а свои же сограждане, специально подготовленные каратели.

Доказательства предоставлены самими палачами — спрятанные в тайниках спецхрана, они стали выплывать на свет лишь в последнее десятилетие. Очень красноречивые документы: рапорта, отчеты, докладные записки. Они будут представлены читателю несколько ниже, а пока о том, что ставилось в вину чеченцам и их братьям-ингушам.

Прежде всего им инкриминировали "белого коня под золотым седлом", якобы подаренного ими Адольфу Гитлеру. Все остальное — дело пропагандистской техники, благо изобретение врагов народа давно было поставлено на поток. Вы только подумайте: НАРОД — ВРАГ НАРОДА! Причем создателей этой версии, привыкших не считаться со здравым смыслом, не смутил даже тот факт, что Чечено-Ингушетия не была оккупирована гитлеровцами. Так спрашивается: где, каким образом, кому вручался мифический конь под золотым седлом для фюрера? Другое дело, что советский народ вплоть до 80-х годов не знал одной исторической подробности: легендарное сопротивление Брестской крепости гитлеровцам оказал гарнизон, где большинство составляли чеченцы. Но в Кремле не знать об этом не могли...

Депортацию чеченцев и ингушей готовили заблаговременно, учитывая опыт недавнего выселения карачаевцев в начале ноября и калмыков в конце декабря 1943 г. На исходе февраля сорок четвертого в республику потоком шли железнодорожные эшелоны и автоколонны. Прибыли в командировку 19 тысяч оперработников НКВД-НКГБ и сто тысяч бойцов войск НКВД: из расчета одного воина на трех мирных жителей. Чтобы не взбудоражить последних прежде времени, нежданные "гости" прибегли к привычному для их деятельности обману. Поменяв свою темную форму на общевойсковую, они замаскировались под фронтовых пехотинцев, летчиков и артиллеристов, призвав население помочь им проложить дороги в горах, поделиться опытом ведения боя в условиях гор, якобы для предстоящих битв с фашистами в Карпатах и на Балканах. И народ поверил: а как иначе могли горцы помочь своим воюющим мужьям, сыновьям и братьям? Пришельцев встречали с распростертыми объятиями, делились скудной едой. Женщины по-матерински ухаживали за бойцами, каждой думалось, мол, в далеком краю другая мать позаботится о ее сыне...

К слову сказать, фашистские каратели на оккупированных ими территориях вели себя не столь цинично, они хоть не лгали своим жертвам, говорили открыто, что те роют себе могилу...

Рассредоточившись по Чечне и Ингушетии, НКВД-исты сразу же приступили к "приобретению навыков ведения боя в горных условиях" — вместе с населением прокладывали дороги и тропы к трудно доступным аулам, наводили мосты, а заодно брали на учет каждую живую человеческую душу. Учитывали даже собак, могущих помешать тайно проникать в жилища

приговоренных к депортации.

Пределом безнравственности и бесчеловечности было наставление Берии своим подчиненным прикидываться друзьями горцев, уважающими и любящими их, вступать с ними в доверительное общение, выведывая необходимые сведения. Чеченцы и предположить не могли, какими жестокими, свирепыми палачами вскоре обернутся "доброжелательные и заботливые братья". Все лицемерие государственной "любви" к горцам продемонстрировано в открытых через полстолетия документах. Судите сами.

Из деловой переписки карателей

ИТУМ — КАЛЕ 6 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА. В ГРОЗНЫЙ.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА 4-Й СД (стрелковой дивизии) ВОЙСК НКВД ПОЛКОВНИКУ ГЕРАСИМЕНКО ОТ ЗАМ. КОМАНДИРА 40 СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА ПО ПОЛИТЧАСТИ ПОДПОЛКОВНИКА БАШАРОВА

В Итум-Кале 40 стрелковый полк 4-й СД ВВ КВД прибыл в 5.40 3 января 1944 года в составе 793-х человек. Из них 126 офицеров, 246 сержантов и 421 рядовых.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга, генерал-лейтенант Перетелли, с которым мы сразу же связались, принял нас очень радушно и оказал хорошую помощь в размещении личного состава.

Итум-Калинский район весь горный, по территории 91 кв. км.

В двух сельсоветах Боблоевском и Хильдехоревском советской власти нет. А в Майстинском сельсовете её уже давно не существует и его не считают за сельсовет даже в самом райисполкоме.

По переписи населения на 1 Февраля 1943 года насчитывается 19614 человек.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ В ТОТ ЖЕ АДРЕС

28 января 1944 г.

Во всех населённых пунктах жители встретили наши войска доброжелательно. Всеми способами стараются помочь нашим гарнизонам. Так, например, мужское население Майстинского сельсовета — аулы Майсты /Цоколой/, Поо, Того в порядке добровольной инициативы на своих ишаках и мулах от подножья гор, куда доставлены были наши грузы конным транспортом, подвозят и подносят на себе эти грузы для гарнизонов, расположенных у вершин гор. Все жители этих аулов нашим бойцам преподносят подарки, вкусную пищу и предло-

Художник Зарема ТРАСИНОВА

жили обеспечить все гарнизоны дровами из собственных запасов.

В Хельдихоревском сельсовете, на участке 1-го стрелкового батальона жители Перой, Пажипорой, Чамги, Тюли из-за невозможности подвозить к гарнизонам продовольствие и грузы ишачным и иным транспортом вместе с бойцами переносят их на своих плечах и спинах.

Аналогичное отношение людей к нашим войскам и в других расположенных высоко в горах гарнизонах.

Всем начальникам войсковых гарнизонов дано указание не пренебрегать искренней добротой местного населения, а поощрять и использовать её в наших интересах.

Все подразделения полка, согласно приказа комиссара госбезопасности Церетели, заняли населенные пункты района и несут в них гарнизонную службу. Тщательно изучают местность, внедряются в семьи, берут на учёт всё живое. Вот точный состав домов, семей, мужчин, женщин, детей.

Пажеты — домов 10, мужчин 14,

женщин 18 и 73-летний авторитет Герханов Чиоха.

Меисты /Цоколой/ — домов 12, семей 14, мужчин 15, женщин 26 и 47 детей в раннем возрасте.

Того — домов 12, семей 12, мужчин 16, женщин 15 и 28 детей

Поо — домов 10, семей 17, мужчин 16, женщин 26 и 58 детей.

Парой — домов 15, мужчин 26, женщин 26, детей 51.

Гархой — домов 5, мужчин 5, женщин 10, детей 12.

Паже-Порой — домов 8, мужчин 13, женщин 11, детей 23.

Чамгой — домов 4, мужчин 4, женщин 5, детей 12.

Харистохой — домов 2, мужчин 4, женщин 2, ребёнок 1.

Ханохой — домов 2, мужчин 3, женщин 5, детей 2.

Тюли — перестало существовать.

Верхний Ленкохой — домов 7, мужчин 5, женщин 13, детей 25.

Средний Ленкохой — домов 5, мужчин 7, женщин 7, детей 13.

Нижний Ленкохой — домов 4, мужчин 5, женщин 4, детей 14.

Дуршени — домов 25, мужчин 30, женщин 32, детей 94.

Верхний Сачкенхой — домов 18, мужчин 22, женщин 20, детей 80.

Кересты — домов 6, мужчин 7, женщин 7, детей 21.

Пажехой — домов 7, мужчин 10, женщин 13, детей 13.

Горстхой — домов 1, мужчин 1, женщин 1, детей 4.

Дихнани — домов 1, мужчин 1, женщин 2, детей 4.

Хозучу — домов 1, мужчин 1, женщин 3, детей 4.

Хангихой — домов 2, мужчин 2, женщин 5, детей 13.

Все дома состоят из двух-трех комнат. Внизу подвалы, где содержится скот и птица.

Во время доставки в гарнизоны продовольствия свалились в пропасть и разбились вместе с вьюками 3 лошади, 5 ишаков.

Парторг полка капитан Чухин находится в 1-м сб, комсорг полка ст.

лейтенант Попов — 3-м сб, зам. командира 1-го сб по политчасти лейтенант Скиба — в 1-м сб, инструктор пропаганды капитан Медонов — во 2-м сб.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ В ТОТ ЖЕ АДРЕС

25 февраля 1944 г.

18 февраля при выполнении поставленной задачи сорвался с тропы и улетел в ущелье красноармеец Кочерга Александр Герасимович, украинец, 1914 года рождения.

Накануне выселения заблаговременно нами были приняты срочные меры по извлечению из людской массы ранее взятых на особый учёт мужчин, подозрительно, с недоверием относившихся к нам и к нашим "маневрам", которые к началу депортации могли скрытно исчезнуть вместе с семьями из нашего поля зрения.

Выполняя приказ по выселению чеченцев, применялись такие виды нарядов: оперативные тройки, возглавляемые офицерами или оперработниками, часовые, обеспечивающие закрытие входов и выходов в дома, патрули, группы огневого обеспечения и особые группы ареста.

Весь хорошо обученный личный состав показал высокое умение и сноровку в выполнении оперативно-чекистских задач, проявляя при этом бдительность, требовательность, быстроту действий и смекалистую хитрость.

Так, например, автоматчику Полякову Юрию Николаевичу, 1924 года рождения, члену ВЛКСМ накануне выселения поручено было отвести для ареста бандита Гошуева к оперуполномоченному Солдатову (бандитами для вящей простоты энкаведэшники называли всех мужчин, которые казались им подозрительными — прим. авт.) В пути следования Гошуев, узнав от переводчика Шамсутдинова о цели его сопровождения, на крутом повороте тропы выхватил кинжал и намеревался ударить им Полякова. Но бдительный страж, держа автомат на боевом взводе, в упор расстрелял бандита. Молодец!

В хуторе Того надо было так ювелирно арестовать 12 бандитов (из 16 проживавших там мужчин — прим. авт.), чтобы своим появлением не вызвать у них подозрение и не дать скрыться.

Организаторы и исполнители ареста ст. лейтенант Бабажанов, лейтенант Резванов и старший сержант Кузнецов — все коммунисты, проявили подлинную чекистскую смекалку и хитрость.

Находившегося в то время в Того

председателя Майстинского сельсовета Мациева попросили созвать всех жителей на собрание по вопросу "подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании". В двухкомнатном доме с тёмной кладовой, во второй комнате организовали "стол записи резервов семенных материалов".

И вот когда кончилось собрание, жителям любезно предложили поодиночке входить в следующую комнату и сообщать о своих семенных запасах. И когда в "комнату записи" заходил нужный бандит, из засады выскакивали чекисты, огорошенному бандиту кляпом затыкали рот, связывали руки и бесшумно вталкивали в тёмную кладовку. Так вот изобретательно арестованы были все намеченные по плану мужчины. А чтобы им было не обидно, 13-м "любезно" был арестован и сам председатель сельсовета Мациев, оказавший нам неоценимую помощь.

В ауле Поо таким методом не удалось арестовать 4-х бандитов. Тогда

придумали ещё более изобретательный метод — беспротестную ловушку. Назавтра они были отправлены в Итум-Кале вместе с семьями и всеми выселенцами. Там им серьёзно было объявлено, то их наиболее опытных мужчин назначают старшими вагонов департационных эшелонов. А потому они немедленно должны явиться к генералу Церетели на инструктаж. Бандиты страшно обрадовались. Но как только переступили порог к комиссару безопасности — ловушка захлопнулась.

Откомандировать всех арестованных к пункту их назначения поручено было старшему лейтенанту Ярмо. Его помощником назначен был опытный чекист, старший сержант Брюханов, ранее служивший в конвойных войсках. Он так организовал конвой, что каждый из арестованных всю дорогу чувствовал прикосновение к спине острого штыка.

Не так удачно прошли аресты на участке 3-го стрелкового батальона. 22 февраля у оперработников ст. лейтенанта Червякова и лейтенанта Михеева сбежали два бандита — Бабутов Муса и Итаев Ака.

Задумано было хитро. По указанию Червякова боец Драненко пригласил Бабутова Мусу на его квартиру якобы для пещи наколоть дров. Но когда пришли к Червякову, тот пояснил, что Мусу приглашает пить чай капитан Гардишевский. Такая топорная работа насторожила Мусу.

К капитану госбезопасности Гардишевскому М. С. пошли "пить чай" таким чередом: впереди командир автоматной роты ст. лейтенант Рогов, за ним бандит Муса, за которым следовал ст. лейтенант Червяков. В пути следования Червякову зачем-то вздумалось забежать вперед Мусы. Оставшись без присмотра, бандит рысью прыгнул в обрыв и был таков.

Теперь о втором сбежавшем бандите Итаеве Аке. Пригласить его к уполномоченному НКВД по Хильдехоревскому сельсовету капитану госбезопасности Гардишевскому поручено было бойцу Евсюкову. По замыслу оперативника Михеева, Ака Итаев должен был быть арестован засадой, выставленной на пути следования Михеевым.

И вот боец Евсюков и бандит Итаев шли, шли по горной тропе, разговаривали и вдруг откуда ни возьмись засада Михеева: "Стойте! Кто такие?". Не расставив правильно бойцов, Михеев приступил к ритуалу ареста — спокойно, уверенно. Воспользовавшись беспечностью самоуверенного оператив-

ника, Итаев Ака молнией метнулся в обрыв и скрылся.

Блестяше провёл подготовительную работу по выселению жителей из Гухойского сельсовета зам. командира 2-го сб по политчасти капитан Субботин. Особенно много потрудился он по организации арестов и по подбору коммунистов для конвоирования 1700 чеченцев из хуторов и аулов этого высокогорного района. Ни один житель не утаился и не сбежал.

Огромная работа проделана была по доставке продовольствия в труднодоступные гарнизоны. Снежные заносы троп, опасность схода снежных глыб, непривычная обстановка затрудняли жизнедеятельность воинов-чекистов. С добровольной помощью горцев в гарнизон Тюли воины на себе перенесли 2330 килограммов на расстояние 9 километров от подножия гор, а в гарнизон Чашгой и того больше — 3336 килограммов.

Взаимовыручка в рассредоточенном по горам полку была обычным явлением. Был такой необычный случай. Когда иссякли запасы продовольствия в этих гарнизонах, бойцы 1-й стрелковой роты под командованием ст. сержанта Ерёмкина в порядке добровольности выжились доставить голодающим бойцам продукты.

Загрузив 6 ишаков, команда ст. сержанта Ерёмкина отправилась в трудный путь. Несмотря на то, что в пути трижды на себе приходилось переносить не только грузы, но и ишаков, ерёмкинцы с честью выполнили свою задачу.

Очень большие усилия командованию полка и политработникам пришлось приложить для сохранения военной тайны. До последнего дня нам удалось сохранить в строжайшем секрете цель нашего нахождения в чеченских горах. Когда вдруг среди населения стали распространяться слухи о выселении, коммунисты тут же ринулись в народ гасить эти крайне опасные для нас слухи. "Подлые враги, — горячо говорили агитаторы, — распускают слухи о выселении с гнусной целью вызвать к нам, фронтовикам, недоверие. Вдумайтесь, добрые люди, разве можем

мы, защитники советской Родины, 4-й год защищающие свой великий народ от фашистских порабощителей, поднять оружие против своего маленького братского народа? Наша коммунистическая партия не допустит несправедливости. Спите спокойно, вас никто не потревожит!"

Таким вот пламенным образом нам удалось перед ответственным днем 23

"Ты ли это, вчерашний лейтенант!? Мы искренне поверили тебе, приготовили курочку жареную, чурек, а ты с автоматом, арестовывать нас. Разве можно так обманывать!"

С получением задачи по выселению, партполитаппарат полка для поднятия духа и решимости у личного состава во всех гарнизонах провёл совещания и собрания коммунистов и комсомольцев с повесткой дня: "О решении советского правительства по выселению чеченцев и ингушей и задачи коммунистов и комсомольцев по выполнению этого наиважнейшего решения". Со всем личным составом полка проведены разъяснительные беседы, почему необходимо беспощадно, без малейших колебаний выселить до единого жителя ЧИ АССР.

На партийных и комсомольских собраниях выносились конкретные решения и резолюции, такие, например, как эта резолюция комсомольского собрания Х-й стрелковой роты: "Важнейшая государственная задача, которую выпала честь нам выполнить, совпадает с праздником Дня Красной Армии и её успехах на фронтах Великой Отечественной войны. Наш святой долг комсомольцев, воинов-чекистов личным примером заражать несоюзную молодежь! С честью выполним поставленную задачу в ознаменование 26-й годовщины Красной Армии!"

25 февраля 1944 года. Зам. командира полка по политчасти подполковник БАШАРОВ.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОПЕРГРУППЫ ВОЙСК ИТУМ-КАЛИНСКОГО СЕКТОРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ВЕТРОВУ

Представляю копию заключения по делу убийства 4 февраля 1944 года служебным нарядом гарнизона Хангикой жителя села Горзет-Хой Хельдихороевского сельсовета Тунжиханова Али с приложением акта обследования места происшествия и трупа убитого.

Одновременно доношу, что в целях избежания всевозможных эксцессов со стороны местного населения и

СОВЕТСКИМ СЕКРЕТНО

ИЗД-СССР

УПРАВЛЕНИЕ КОНВОЙНЫХ ВОЙСК

Оперативный

22 марта 1944 г.

г. Москва

НАЧАЛЬНИК КОНВОЙНЫХ ВОЙСК

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

Докладываю, что и погоне переселенных чеченцев и ингушей было приступлено в 5.00 23.2.44 г. Всего принято для конвоирования и отправлено 180 эшелонов по 55 вагонов в каждом, с общим количеством переселенных 491.571 человек. В среднем по 2.740 человек на эшелон.

Отправка эшелонов и пункты назначения началась 23.2.44 г. и закончена 20 марта с/г. Срок пребывания эшелонов в пути составлял от 9 до 23 суток, а в среднем 16 суток.

Следом и пунктах назначения 180 эшелонов — 491.768 человек.

В пути следования народонаселения 56 человек, одно и дечесные заболевания на излечение 285 человек, умерло 1272 человека, что составляет 2,6 человека на 1000 переселенных. По справке Статистического Управления РСФСР смертность по Чечено-Ингушской АССР за 1943 год составляла на 1000 жителей 18,2 человека.

Причинами смертности и пути ликвидации:

1. Преклонный и ранний возраст переселенных, отсутствие чего отсутствовала необходимая обратная связь их организма, изменившаяся атмосферными и бытовыми факторами.
2. Наличие среди переселенных больных хроническими заболеваниями (боррелии, скарлатина, тиф, дизентерия, сифилис, туберкулез, кожные болезни, лихорадка и др.).
3. Наличие тифозной лихорадки от рождения или перенесенных ранее заболеваний.

Продолжения в пути:

Заболевание переселенных вызвано тем, вследствие чего от 35 эшелонов было отцеплено 70 вагонов (2850 человек) для изъятия заболевших и проведения санитарной обработки. После чего эти вагоны были прицеплены к другим проходящим эшелонам.

НАЧАЛЬНИК КОНВОЙНЫХ ВОЙСК

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

февраля усыпить бдительность чеченцев. Даже накануне выселения никто из жителей не догадался о нашей истинной цели. Например, 22 февраля в селении Наже-Порой зам. командира роты по политчасти лейтенант Данилов так на собрании по случаю дня Красной Армии убедил через переводчика людей, что они уже с вечера стали готовить угощения. Лейтенант Данилов всем пообещал утром прийти в гости и пришёл конвоем. Спыхватившиеся жители ахнули от изумления:

попыток мести проделано следующее: весь личный состав, знающий о происшествии, предупрежден о неразглашении случая убийства.

Командир 40 стрелкового полка внутренних войск НКВД полковник ГАВРИШ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ УБИЙСТВА СЕРЖАНТОМ БАРИШЕВЫМ ГРАЖДАНИНА с.ГОРЗЕНХОЙ АЛПИ ТУНЖИХАНОВА, ПРОВЕДЕННОМУ КАПИТАНОМ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ГОРДИШЕВСКИМ М.С..

4 февраля в 23.00 старший засады сержант Барышев, находившийся в районе переправы через реку Керигу, заметил неизвестного, идущего по берегу реки Керигу прямо на засаду.

После трёхкратного окрика сержант Барышев произвёл 5 выстрелов, и неизвестный был убит. Труп был спрятан тут же в пещере под скалой. Факт убийства местному населению неизвестен.

За правильную организацию службы на участке гарнизона Хангикой-Лощу ходатайствую о награждении начальника гарнизона лейтенанта Сомова и сержанта Барышева.

Уполномоченный НКВД по Хельдихороевскому сельсовету капитан госбезопасности Гордишевский.

АКТ ОБСЛЕДОВАНИЯ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И ТРУПА

13.00.5 февраля 1944 г.

Труп убитого извлечен был из выемки скалы, где был накрыт камнями и оказался без головы. Возвращенный нами из пути следования в гарнизон Барышев принёс голову. Отрезал голову ст. сержант Яковлев кинжалом убитого по приказанию командира 2-го взвода лейтенанта Попова. Труп убитого вместе с отрезанной головой снова заложен камнями в пещере под скалой. Вещи убитого оставлены на трупе. Убитого опознал капитан Гордишевский. Это 60-ти летний Тунжиханов Али. Капитан Гордишевский, лейтенант Сомов, мл. л-т медслужбы Дауку.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОПЕРГРУППЫ ВОЙСК ИТУМ-КА-

ЛИНСКОГО СЕКТОРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ВЕТРОВУ ДОНОШУ, что в период выполнения оперативно-служебных задач 23 февраля в 6:00 группа бойцов во главе с командиром взвода лейтенантом Пак, имея задачу обеспечить доставку семьи жителя хутора Паже-Порой Хельдихороевского сельсовета Газиева Ахмета на сборный пункт, вошла в его

Вследствие обрыва крутой скалы и густого тумана труп разыскать не удалось.

Командир 40 сп войск НКВД полковник Гавриш, нач. штаба майор Суммар."

Последнее донесение не давало мне покоя. Знают ли дети Ахмета Газиева, где покоятся останки разбившегося о камни отца? И я поехал к месту происшествия, чтобы рассказать близким отчаянного горца о его мужественном поступке, чтобы они достали разбитый скелет родного человека и упокоили его в родной земле, согласно традиционному для чеченцев ритуалу.

В день 50-летия народной трагедии я прибыл в Итум-Кале. На площади бурлила большая толпа взволнованных людей: кто говорил, кто плакал.

Узнав о цели моего приезда, люди быстро нашли сына Газиева, которому второпях сообщили ужасную весть: "Отец разбился!"

Подбежав, сын впопыхах выкрикнул: "Что с отцом, где разбился? Как разбился?"

С дрожью в голосе я сказал: "Вашего дорогого отца энкавэдэшники убили — штыком и пулями. Давайте вместе подумаем, как достать останки его из пропасти и где лучше захоронить."

Младший Газиев в недоумении отпрянул от меня и, видимо, смекнув что к чему, с облегчением молвил: "Доставать из пропасти и хоронить отца не надо. Он живой. Едемте к нему."

И вот мы в селе Алхазурово. Не веря своим глазам, я увидел вернувшегося с того света самого Ахмета Газиева, 50 лет назад отчаянно прыгнувшего в пропасть, поневоле оставив в лапах у энкавэдистов шестерых детей и жену.

Изуродованный и покалеченный тремя "храбрыми" палачами — младшими сержантами Строгоновым и Голубевым и ефрейтором Помётовым, он рассказал своем мученическом пути.

Продолжение в следующем номере.

Сов. Секретно

— экз №1

Стр.

НАЧАЛЬНИКУ КОНВОЙНЫХ ВОЙСК

ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

РАПОРТ

Докладываю, Ваше задание по обеспечению отгрузки и продвижения эшелонов со спецконтингентом с Орджоникидзевской железной дороги — выполнено.

Последний эшелон СК-258 прибыл к месту назначения на станцию Риддер, Томской железной дороги — 20 марта 1944 года и разгружен.

Всего отправлено — 180 эшелонов, в которых доставлено в места расселения 491.571 человек, из них:

Джидда-Абадской области	Кирг.	24.231 человек
Ошской области	—	25.968 человек
Фрунзенской области	—	34.380 человек
Джамбулской области	Казах.	16.565 человек
Алма-Атинской области	—	25.089 человек
Восточно-Казахстанской области	—	34.439 человек
Северо-Казахстанской области	—	38.387 человек
Джамбулской области	—	20.808 человек
Кызылординской области	—	25.514 человек
Кустанайской области	—	45.665 человек
Акмолинской области	—	20.809 человек
Семипалатинской области	—	81.228 человек
Павлодарской области	—	41.280 человек
Актюбинской области	—	60.344 человек
Карагандинской области	—	37.844 человек

88.649

402.222

Все эшелоны проследовали без происшествий.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПЕРЕВОЗОВ НКВД СССР

КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

20 марта 1944 г.

ТОВАРИЩУ БЕРИЯ Л.П.

дом. Газиев выскочил через окно на улицу. Стоявший там на прикритии мл. сержант Стротонов нанёс Газиеву в бок штыковой удар. Газиев не остановился, продолжал бежать к обрыву ущелья. Часовой ефрейтор Помётов из револьвера "Наган" произвёл по бегущему на расстоянии от него в 5 метрах 4 выстрела, а мл.сержант Голубев с дистанции 8 метров выстрелил из винтовки в беглеца в тот момент, когда тот был уже у края обрыва, с которого и прыгнул в пропасть.

Султан ЯШУРКАЕВ

КАРТОШКА

Ночью спишь себе и ладно. Днем хуже — есть все время охота. День, он намного длиннее ночи. Утром тень твоя длинная-предлинная. Ходишь и ходишь, ждешь и ждешь, чтобы она короткой стала. Голод у тебя все кишки внутри изложет, пока тень проклятая укоротится. А когда станет она маленькой, низкорослой, как тот дядя без ног, что живет возле колхозной конторы и кошкой цепляется за ноги, тогда эти, что с машины, которых все называют "экспедиция", садятся обедать...

И кто им эту еду дает?! Едут куда-то и привозят ее целую машину. Гордые такие, огурцы и то едят, сняв толстую кожуру. И консервы у них есть, и рыба сушеная.... Это хорошо, что огурцы чистят. Если бы они не выбрасывали кожуру, зачем тогда и тень караулить.... А какая она вкусная бывает с соленой головой сушеной рыбы! И еще есть там у них один, очень хороший человек. Он совсем не ест красную, как комок солнца, сухую рыбью икру. Вот если бы он еще и хлеба не ел... Хлеб, небось, не выбросят. А есть он у них, да еще сколько — много-много. У них даже и белый каравай бывает, он как вата.... Намедни их Рая длинноногая выбросила целых два кусочка, сухие такие, во рту аж искры от них высекались.

Они уже зеленые были, с плесенью, но все равно вкусные. Только зачем их зелеными делать? Не ешь, так выброси сразу! Это она нарочно им до плесени вылежаться дает, вредная такая.... А ночью выходит и воет: " Фе-е-е-дя-яя!"... Потом этот Федя тоже вылезет и: "Чо-о-о?". Его в селе уже так и зовут "Чооо"... А потом они садятся на зава-линку в обнимку и трутся мордами друг об дружку, как колхозные лошади, что пасутся за речкой. Думают, их никто не видит.

Эх, сколько этой тени еще укорачиваться! Еще четыре.

наверно, нет, и того больше, добрых шесть шагов. Она сейчас в два раза длиннее, чем эта Рая. Вот если бы Раю и Федю положить на землю в длину, сделать из них веревку, она и будет длинной, как эта тень. А ты жди, когда экспедиция сядет обедать.... У них и огород есть, вон там, по-над речкой. Там картошка посажена, целая прорва картошки. Небось, уродилась уже.

А вот Маруся, хотя и русская, меня всю зиму у себя держала, на теплую печку клала. И сейчас говорит: "Жил бы у меня, горе луковое"...

Больше нигде не пойду... Мне бы только вырасти... Я же помню отца, он такой могучий был, сильный-сильный, большой-пребольшой, куда выше этого Райного "Чооо". И дедушку помню. Он тоже был сильный, брал меня с собой пасти коз на зеленые горные склоны.... Сажал на ишака и катал на нем целый день.... А на боку у дедушки была золотая сабля. Когда мы с ним вечером возвращались, он одной рукой выламывал большую чинару и на плече приносил ее домой. Дома разжигал большой огонь и жарил на красных углях громадные куски мяса.... Заставлял меня пить белое пушистое козье молоко, приговаривая: "Ешь и пей, внучек, досыта!". А потом укладывал спать на лохматые белые козьи шкуры и рассказывал сказки. И сказки, и сон тоже были белыми, как маленькие козлята. Мне не верят, говорят, что в пути, когда нас с Кавказа везли сюда, я отстал от эшелона. С тех пор хожу ничейный... Ну и пусть, все равно буду рассказывать, у меня тоже должен быть отец, как у людей, ... и отец отца. Пусть не верят, а я буду рассказывать, и все... Я же себе верю.

Вон, у Володишки, что живет в большом, высоком доме, есть же и отец, и дед... Мать тоже имеется. И бабушка. Она мне раз поесть дала. Не знаю, как называлась

A black and white charcoal or pencil sketch. In the foreground, a young boy with a somber expression looks directly at the viewer. His hand is near his face. In the background, several figures are depicted in a state of distress or suffering. One person is lying down, and another is sitting up, all rendered with heavy, expressive strokes. The overall mood is one of hardship and suffering.

А идет как! Правильно тебя "Хрымным трусом" зовут... Я же пошел в школу, в прошлом году еще, так этот выгнал, сказал, меня в детдом надо отдать. Ясное дело, за что взъелся. За то, что я у его сына морковку отобрал.... А зачем мн-ной детдом? Когда мой отец придет за мной, как он меня найдет, если я буду в детдоме? Тут, посреди села, он прямо подойдет ко мне и сразу узнает. А в детдоме что делать? Там же детей тьма тьмущая, как ему, узнать меня среди них? По-твоему, мне невдомек, отчего ты охромел? Как бы не так! Костя, что на деревьяшках ходит, думаешь, про что ночью кричит? Что ты свою ногу сам... топором на речке, чтобы на войну не идти. Он про это часто кричит, еще как громко, я сам слышал.... А свою жену при этом бьет деревьяшкой, на которой ходит, и плачет,... Говорит, когда он воевал, ты к ней ходил..."Топором, — грозится, — порешу гада"... А топор у него есть... Берегись... Он, как выпьет, все точит его, точит и про себя страшные слова бормочет... Нет, не буду смотреть на тебя. И бояться тебя не собираюсь, не боюсь и все тут... А как тебя Маруся выгнала, когда ты к нам пьяным зашелся! Помнишь? А туда же: "Я — учитель"... Небось, хочется пронюхать, где я живу, да только не надейся: не узнаешь...

Чтобы ты подохла! Хотя бы на один палец уменьшилась... Маруся знает, что у меня есть отец. Она мне сказала, что детей без отцов не бывает.... А в селе все говорят, что Маруся правду любит. Я спросил у нее: "А мне можно на войну?", она рассердилась, мол, нельзя детям войной заниматься. Почему тогда взрослые занимаются тем, что детям нельзя? Когда я принес картошку из большого колхозного погреба, она сказала, что и этого нельзя делать. Почему? Есть же совсем нечего, а ее там было завались. Выходит, подыхать с голоду можно, а картошку брать нельзя... Отдайте мне моего отца... Мама, когда умирала в вагоне, говорила: люди добрые, они тебя не оставят... А я только соскочил с подножки, едва успел спустить штаны... Поезд ушел... Добрые люди не остановили его... Потом один, в красной фуражке, схватил за руку, так больно, чуть не вывихнул, и бросил в следующий состав... А почему дяде Косте ногу оторвало, он же хороший? Лучше бы этому, что хотел меня в детдом сдать, так нет же, он на двух ногах ходит. Маруся добрая, а у нее мужа убили. Где справедливость?

На вот, съешь теперь картошку! Я-то могу и к бабе Мязе сходить. Она тоже хорошая. Сколько раз мне сказки рассказывала, уложив рядом с собой. У нее мешочек есть, в кармане на шнурке. Она развязывает его, достает оттуда

та пища, но до чего вкусная...

Ну, нисколько чертова тень не убавилась! Где лежала, там и лежит. Вот были бы у нее кишки, урчали бы с голодухи, мигом бы, небось, укоротилась.... А я возьму и нарисую их тебе.... Вот этой палочкой... А-а-а, не нравится, да? Задергалась, голубушка, испугалась, то-то же, терпи.... Вот лягу, и попробуй тогда убежать.... Все теперь, никуда не денешься.... Я запомнил место, где у тебя был живот... Вот оно... А это я рисую тебе самую большую и голодную кишку... Не беспокойся, знаю, как ее рисовать, я ее хорошо знаю, она из-за тебя каждый день на меня урчит: "Кушать давай, кушать давай"... А-а-а, теперь этот поковылял... Миколой Василич. Даже смотреть на него не буду. Тож не мн, зазнается, что учитель, да я у него и учиться не хочу....

ТРАГЕДИЯ, ОКРУЖЕННАЯ МОЛЧАНИЕМ

Сегодня, когда издается масса газет самой разной направленности, когда журналисты пишут о чем угодно, в том числе — разносят по свету обыкновенные сплетни, когда страницы прессы превращаются в поле битвы конкурирующих политических сил, причем на головы ошарашенных читателей выплескиваются потоки грязных разоблачений, трудно представить, что было время, когда пресса выдавала гражданам страны строго дозированную, многожды проверенную, тщательно отобранную информацию. Ведь нынче можно пародировать самого президента, рисовать карикатуры на любого министра — никто и ухом не поведет, а в ту пору абзац в газетной статье, несус-

ший заряд критики, легко мог выбить кресло из-под высокого должностного лица. Партия в лице своих отделов по идеологии ревностно следила за тем, кто, как и что пишет. И не приведи Бог, если журналист, пусть даже неумышленно, по незнанию или неопытности, проговорится в статье о чем-то таком, о чем не положено. Да, были списки людей, чьи имена не подлежали упоминанию в прессе — общественные и политические деятели, представители творческой интеллигенции, ставшие жертвами сталинских репрессий. Были целые темы, касаться которых запрещалось категорически. Одна из них — депортация. Хрупкий, тонкий лед — вот чем была эта тема для журналистов и идеоло-

гов. Наступи — провалишься. Партийные деятели, олицетворяющие систему, не хотели признавать преступлений, совершенных их предшественниками в отношении целых народов. Гордыня не позволяла ни раскаяться, ни извиниться. Власть считала, что проще заткнуть народу рот: не будут говорить об этой исторической драме — так получится, вроде ее и не было вовсе. Прием, которым пользовались властители всех времен и народов, начиная с древнего Египта. Громадные усилия направлялись не на то, чтобы по-настоящему реабилитировать народ, помочь ему изжить пережитое страдание, а на создание мощного аппарата подавления, укрепление системы наказания. Неизбыв-

ная народная боль загонялась внутрь и грызла, тревожила тем сильнее, чем строже запрет. Своевременно не заленное воспаление впоследствии и стало одной из причин социального взрыва, опрокинувшего систему.

Журналисты областной партийной газеты "Грозненский рабочий" (впоследствии переименованной в "Голос Чеченской Республики") более, чем кто-либо, ощущали на себе жесткий идеологический пресс. Цензура висела над ними, как дамоклов меч. Это и понятно, рупор обкома партии не имел права на ошибки. Если случайно в какой-то статье не там стояла запятая, редактору звонили "сверху" уже во время утренней планерки и делали замечание.

За работой газеты тщательно наблюдало бдительное око с площади Ленина. Из-за чрезмерной тщательности обкомовских перестраховщиков дело иной раз доходило до абсурда.

Вспоминаю такой случай из своей практики. Мне, корреспонденту отдела культуры и образования, поручили подготовить к печати статью министра просвещения С. Мовтаева. Речь шла о проблемах преподавания русского языка в школах Чечено-Ингушетии. Тактично и всего одной фразой была высказана мысль о том, что чеченцы, преподающие русский язык, порой сами владеют предметом недостаточно хорошо, а преподавателям некоренной национальности зачастую мешает добиться в своей

работе хороших результатов незнание особенностей языка чеченского и специфики мышления своих учеников. Когда-то я сама работала в национальной школе, помню, как оно и мне усложняло задачу, а потому, поразмыслив, оставила эту фразу в тексте, хотя и понимала, что не всем она понравится. Как потом выяснилось, "споткнулись" на этих словах и завотделом, и ответсекретарь, и зам редакторский. Но и они оставили, как было: проблема-то была верно обозначена.

На следующий день — звонок из обкома. Редактора обвиняют в серьезном идеологическом просчете, Мовтаева — в национализме. Обоих вызывают на заседание бюро, прочищают мозги. При-

высохшие крошки хлеба и угощает меня...

Мияза хорошая. Об этом и Маруся тоже знает. Ту картошку, что я принес из колхозного погреба, она заставила Миязе отнести, потому что та ко мне по-доброму относится. Я хоть ей и не внучек, а Мияза все равно говорит: "Иди ко мне, внучек, иди к бабушке..." А Маруся плакала, когда я картошку ту принес, говорила: "До чего детей довели, изверги!" и смеялась, когда рассказывал, как достал ее из погреба-то. Сказала, что я — умный и, когда стану взрослым, смогу сделать даже самолет, он будет летать выше, чем те, которые пролетают иногда над селом... Вот бы вырасти побыстрей и сделать этот самолет. Тогда бы я с тенью и разговаривать не стал, бросил бы там, где она лежит сейчас, как мертвая, плюнул бы на нее, забрался бы высоко на небо и полетел в горы, туда, где меня дед на ишаке катал.... Говорят, все мы, чеченцы, родились в горах темной-темной ночью.... И про меня все говорят, что я родился ночью в скалистом ущелье, когда волчицы рожали волчат, поэтому я сам вроде волка — никого и ничего не боюсь, впотымах рыщу по селу, как днем. По правде сказать, ночью все-таки бывает страшно, но я делаю вид, что мне все нипочем. Тех, кто боится, чеченцы называют рожденными от собак... Я вокруг этого погреба долго ходил, знал, что в нем картошка, видел, как ее туда осенью засыпали. Дверь — то там крепкая, закрыта на замок большущий, с лошадиную голову, а сверху отдушину из досок, узкая, как труба, только четырехугольная. Думал я, думал, как оттуда картошку вытащить.... И вот подкладываю однажды в печку Маруси дрова, вдруг одна здоровенная щепка царапнула мне ладонь, на ней сучок был острый, как шило, но крепкий... Я сразу понял: ее можно запустить в отдушину колхозной ямы, проткнуть сучком картофелину, да и вытащить. ... Прибил ржавым гвоздем эту щепку к длинной рейке. Маруся думала, я просто играю.... Пошел ночью к яме и выудил целое ведро картошки, даже мелкие обратно кидал.... Если бы Маруся не запретила, я бы всю картошку вытащил. Она сказала, что это семена — чтобы осенью собрать урожай, надо весной сеять. Маруся говорит: горе людское началось с того, что человек подошел к чужой картошке, взял ее и сказал "Это моя картошка", потом зашел в чужой дом и сказал "Это мой дом", потом залез на чужую гору и сказал "Это моя гора"...

Вот дядя Азим, он хитрей всех. Мне бы ни за что не догадаться, а он додумался. Украл ночью у казаха Рахима козу, сварил кашу, потом положил горячей на тряпку и объявил ей козе рога. От тепла рога стали мягкие, как глиня-

ные. Тогда дядя Азим так их скрутил, что они стали вроде витой толстой веревки. Рахим искал-искал козу и пришел к Азиму, а у того во дворе коза гуляет. Долго смотрел Рахим на козу, а потом ушел: "Коза, — говорит, — вроде моя, а рога не мои"...

Ладно, пусть колхозная картошка в яме — семена. Но вон там огород экспедиции, на нем тоже картошка. Это уж не семена. Они ее посадили, чтобы самим съесть. Когда сажают картошку, бросают в лунку половинку, а из нее вырастает целая куча картофелин. Экспедиция и так много кушает. Я же знаю, картошка уже уродилась, она давно цветет...

У-у-у, гадина, хотя бы на палец уменьшилась! Это она мстит, что я ей на животе кишки нарисовал, назло мне уперлась. Посмотрим! Скоро так проголодаешься, что начнешь быстро укорачиваться. Экспедиция, наверно, ходит где-то далеко за селом, смотрит через свою трубу и ковыряет землю.

Да заглядывал я в эту трубу, там внутри стекло круглое с черточками. Пригорок, что за речкой, сразу стал близко-близко, будто под носом вырос. Говорят, экспедиция какую-то нефть ищет, если найдет, здесь построят большой город, как Актюбинск, и железную дорогу тоже — поезда станут ходить каждый день. Если будет поезд, отец сюда быстро доберется. Как приедет, сразу скажу ему, чтобы он мне полную солдатскую форму купил... И ремень, чтобы посередине пряжки большая звезда была. Такой ремень только у дяди Кости есть. Наверно, его давали тем, кто больше всех фашистов убил. У моего отца тоже будет такой.... А еще он для меня одежду привезет.

Тень все не уменьшается.... Налупить ее надо хорошенько, тогда зашевелится... Вот тебе! Вот так... Получай... А, убегаешь... Ишь, как забегала! Побегай... А-а-а.... Это ты мне назло растягиваешься, да? Подожди, попадешь мне под ноги, получишь свое, затопчу! Как на доске, буду на тебе прыгать... Спички бы мне и Маруся дала, да в бригаде она с рассвета... Я бы пошел туда, она бы меня там накормила... Нет, туда утром надо, когда подводы идут, а сейчас что, пока доберешься, ночь настанет...

Нет, пока эта проклятая тень сойдет на нет, сто раз можно сбежать и узнать, народилась ли картошка. Точно: пока экспедиция сядет обедать, запросто успею..."

Мальчик сидит на обочине пыльного проселка, что делит село на два ряда домов. Село-то и состоит из одной этой улицы: дорога, по обе стороны которой с большими промежутками сереют невзрачные саманные халупы. Ули-

ца длинная, ей и конца не видно. Но мальчик знает каждый из этих домов, каждого жителя. В летнем небе ни одной тучки. Солнце, что горячими лучами жжет село, похоже на большой багровый уголь в огромной печке-духане высокого казахстанского неба. Кроме мальчика да черной козы, принадлежащей тете Даше, которая гонит для всего села самогон, а сама пьет только козье молоко, на улице ни души. Коза спит в тени сарая, изредка дергая коротким стоячим хвостиком. Босые ноги мальчика черны, как земля, и по ним змеются трещины, виднеются волокна красного живого мяса. В трещины на коже ног отравленными стрелами вонзаются солнечные лучи. Мальчик изредка смахивает их, словно мух, ленивым взмахом руки. Они разлетаются, но стоит худенькой исцарапанной ручке остановиться, снова вонзаются в ранки острыми шипами. Он встает. Долго смотрит на свою тень. Она все еще длиннее его роста. Старые короткие штаны слишком широки, они делают тень пузатой. Там, где к худенькому телу прилипла ситцевая рубашка, из которой мальчик вырос два года тому назад, она узка, как горлышко кувшина, да и вся тень похожа на высокий кувшин: голова мальчика служит ему пробкой. Мальчик начинает мерить этот кувшин. Набрав маленьких камешков, он бросает их, пытаясь попасть в круглую пробку — голову тени. Наконец, ему это удается. Тогда он, шагая как можно шире, идет за убегающей тенью до камешка. После трех таких шагов до камешка еще остается расстояние в три его маленькие ладони. Недовольный полученным результатом, он бомбардирует теневой кувшин оставшимися у него камешками и, не оглядываясь, идет вниз, в сторону речки, вдоль берега которой тянется длинный огород экспедиции, ищущей в здешних краях нефть. Речка протекает в низинке. Она довольно глубока, но не очень широкая. Ее берега поросли ольхой, кустарником и высокими лопухами. С речного дна тянутся, выглядывая на поверхность, желтые, похожие на кувшинчики цветы. Огород экспедиции по-над речкой, на другом ее берегу растет колхозная капуста, после которой болит живот. Ее поливают водой, вытягивая ее из реки вверх какой-то старой страшно шумной машиной. Днем она молчит, а по утрам и вечерам ее стон выворачивает наизнанку нервы местного населения. Картошка в этом году разрослась, ботва достает мальчику до подбородка. Над огородом видна его черноволосая голова на тонкой птичьей шейке. Вот эта голова произвела круговой обзор и нырнула в гущу ботвы.... Через некоторое время она появляется вновь, в другом конце огорода, а теперь движется по заросшей крапивой меже. Уже

старая и злая, крапива кое-где так вымахала, что прячет его совсем, а местами, будто назло, низенькая, показывается малолетнего преступника по пояс. Из-за крапивного частокола он появляется уже не совсем таким, как был: рубашка, которая давеча была навыпуск, заправлена в штаны и выпирает на теле маленькими бугорками. Это картошка, добытая в огороде экспедиции. Он не ошибся: она действительно уродилась.

Вдруг с той стороны, где квартирует экспедиция, появляется худой долговязый парень. Это и есть Федя — Чооо. Они замечают друг друга одновременно, однако мальчик притворяется, что он взрослого не видит, хотя ноги как бы невзначай несут его малость влево, в обход. Федя тоже насторожился, делает вид, будто не заметил мальчика, ему до него и дела нет, идет себе мимо, и все. Когда похититель картошки выйдет на дорогу, он неминуемо поравняется с Чооо. Мальчику важно этого избежать, так что он совсем не спешит. Но и Феде торопиться некуда, он даже остановился. Медленно вытащил из кармана кисет. Принялся не спеша, обстоятельно шарить у себя по карманам, будто в поисках чего-то нужного. Мальчик лихорадочно соображает: если Чооо ищет газетку для самокрутки и остановился, чтобы скрутить сигарку, можно успеть проскочить, не столкнувшись с ним. Эта надежда заставляет его решиться: перейти дорогу, пока Федя стоит и роется в карманах. Он устремляется к дороге. А Федя тут как тут. Наперекор расчетам мальчика, он быстро сует кисет в карман. Мальчик понимает: беда, Чооо его обманул — и замирает на месте. Косится на тень, она укоротилась, но не настолько, чтобы Федя мог оказаться здесь. Ей еще далеко до того размера, когда Чооо и другие из экспедиции сядутся обедать...

Федя тоже остановился. Оба устали друг на друга. "Бегите!" — приказывает мальчик ногам. А они ни с места — знают, насколько Федины ноги длиннее их. Между взрослым и ребенком расстояние в две утренних мальчишеских тени, чтобы удрать, этого мало... Федя пальцем манит к себе. Он не идет. Палец зовет настойчивее — нет, он и шагу не сделает! Но палец словно бы удлиняется, достигает мальчика и начинает пружинисто подтягивать его к Чооо. Мальчик подходит. Тогда этот и еще один палец большой, длинной Фединой руки крепко схватывает его за ухо. Они подкручивают ухо, высекают из него огонь, оно горит! Не гася это жгучее пламя, Федя жестом велит ему высыпать из-за пазухи картошку. Мальчик выдергивает рубашку из штанов, и на землю высыпается штук двадцать картофелин с голубинное яйцо каждая. Они исчезают в дорожной

ТРАГЕДИЯ, ОКРУЖЕННАЯ МОЛЧАНИЕМ

казывают организовать выступление школьного учителя — преподавателя русского языка, который бы попопемизировал с министром. Организовываем. Заметка выходит. Опять "прокол": учительница русская. В обкоме схватились за голову: русская учительница критикует министра-чеченца, это могут понять как разжигание межнациональной розни! Что касается читателей, они там никакого криминала не заметили, уже успели забыть о той статье, но после шума, затеянного обкомом, кинулись листать недельную подшивку. Партийная верхушка боялась собственной тени, потому и происходили такие казусы.

...Признанный поэт Иван Минтяк

как-то принес очередную стихотворную подборку для воскресной странички. В одном стихотворении шла речь о заброшенном фруктовом саде, в котором без заботливого хозяйского ухода дичают деревья. Наученный горьким опытом редактор, прочитав подборку, это стихотворение отложил в сторону со словами: "Не надо. В обкоме скажут, что речь идет о депортации. Мол, выслали чеченцев, сады опустели и одичали". Опасение, при всей видимой нелепости не лишнее основания.

Особенно туго приходилось очеркистам, пишущим о достойных людях из национальной среды, чье становление проходило в условиях изгнания. Таких, как Махмуд Эсамбаев, Раиса Ахматова,

Марьям Айдамирова, Абдулла Хамидов... Журналисты оказывались, как говорится, между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, нужно подробно рассказать о человеке, о том, как он преодолевал трудности, закалялся, будучи оторванным от родной земли и брошенным на выживание в степях Казахстана, а с другой — ни единым словом, ни намеком не дать понять, что речь идет о насильственном выселении. Столь замысловатая эквилибристика была по силам только опытным, искушенным в хитросплетениях политики мастерам, обладающим к тому же такими человеческими качествами как житейская мудрость, такт, чувство сострадания, сопереживания. Ассом в написании по-

добных очерков была известная журналистка Людмила Калита. Ее перу принадлежат замечательные статьи о людях, судьба которых пересечена глубоким шрамом депортации, но запретная тема умело завуалирована.

...Работала в Аргунском автотранспортном предприятии шофером на грузовике Уми Газимиева. Женщину-водителя нечасто встретишь, тем более — чеченку в зрелом возрасте. В советское время такой образ прямо просился на газетные страницы. А начинала Уми в Казахстане пятнадцатилетней девочкой. Не от хорошей жизни: полусиротство, изгнание, необходимость заботиться о больной матери и младших братьях. Как рассказать об этом, не ска-

зав осылке? Журналистка дипломатично обронила: "Война принесла нужду в каждый дом". Но едва заметные штрихи высвечивали правду: читатель без труда понимал, что речь идет о выселении, потому вокруг девушки из Ялхой-Мохка и "горячее целинное лето", и "малахитовые воды Иссык-Куля".

Особенно опасно было предавать гласности факты расправ солдат НКВД над гражданским населением. Об этом запрещалось не только писать, но и говорить. Те немногие свидетели, которые выжили после всех потрясений, молчали. Документальные материалы таились за многими печатями в спецхранах, недоступные даже ученым-историкам. Поэт и этнограф Ахмад Су-

лейманов рассказывал, как собирал материал о трагедии Хайбаха. Он находил пути к сердцам очевидцев, записывал их свидетельства, составлял списки мучеников Хайбаха. Потом он учил эти списки наизусть и уничтожал, чтобы, не дай Бог, не обмануть доверие своих собеседников, если списки ненароком попадут в руки недоброжелателей. На протяжении почти трех десятилетий он несколько раз сжигал эти списки и снова восстанавливал, пока не пришла пора их обнародовать.

Считается, что первыми открыли читателям тему Хайбаха журналист Саид Бицоев и историк Далхан Хожоев, опубликовавшие материалы Ахмада Сулейманова и Дзияудина Мальсагова

пыли. Другим жестом Федя приказывает ему вернуть картошку снова за пазуху. Мальчик быстро выполняет приказ, надеясь, что после этого Чооо отпустит его ухо. Но Федя, вцепившись намертво, тащит, пленника за собой...

Вся экспедиция оказалась дома. Мальчик понял: они сегодня вообще не искали нефть. Федя снова жестом предложил ему повторить процедуру высыпания картошки из-за пазухи. Он все выполнил, как и в первый раз, надеясь, что Федя хоть теперь отпустит огнем горящее ухо. Но Чооо, не разжимая железных пальцев, стал рассказывать товарищам, как он поймал вора. Вскоре для пущей выразительности повествования ему понадобились обе руки, и он ухо отпустил. Оно пылало по-прежнему. Благодаря жестикующим обеими руками рассказ Феде приобрел, видимо, большую красочность, так как все стали смеяться. Рая тоже хохочет, ударяя себя обеими руками по раскнутым и высоко обнаженным длинным ногам... "Проучить..." — предлагает один из весельчаков. Мальчик уверен, что за два года жизни в этом селе из одной улицы он хорошо усвоил язык, на котором говорит Федя, и услышанное будит в его сердце надежду. Для него в слове "проучить" понятен только корень, он знает, что такое "учить", "учиться", ему невдомек, что самая суть в приставке — в том, какова эта наука, ради постижения которой его вывели из аула, где вообще не было улиц, а сакли ютились в горном ущелье, сообразно одной лишь воле и умению строителей разбросанные как придется...

Учиться — дело хорошее. Он не против. Ведь он и сам хотел в школу, но этот хромой его не пустил...

— Давай! Так и надо! Проучить! — возбужденно подхватывают предложение остальные, повскакав с мест.

Мальчик уверен, что теперь-то "Хромой трус" не выгонит его из школы.

Из всей экспедиции только один пожилой человек не встал.

— Бросьте, не надо, ребята, мальчонка же, — говорит он хмуро.

Этот угрюмый старик мальчику сразу не понравился. Он, как и здешний учитель, не хотел пускать его в школу. У этого на руке не хватало двух пальцев. "Так тебе и надо!", — позлорадствовал в душе мальчик...

Вставшие, чтобы вести его в школу, стали кто обуваться, кто надевать рубашки. Рая, пряча свои голые ноги и все остальное, застегивает булавкой два крыла халата. Один

из компании, что-то сказав остальным, зашел в дом. Рая все хохочет, не может остановиться, голова ее запрокидывается, рот широко распахнут, скалятся большие зубы, длинной гривой сбегая по спине волосы, похожие на охапку солнечных лучей. Ее смех превращается в ржанье, и сама она становится высокой гнедой лошадей. Он ее узнал, это лошадь, на которой ездит председатель колхоза. Вот так она ржала весной у реки, звала коней, что паслись на другом берегу.

Тот, что заходил в дом, вышел. В руках у него ружье на широком матерчатом ремне... Федя снова вцепляется, выкручивает испаренное ухо мальчика. Теперь он понимает, что его ведут не в школу. Вспоминает, что сейчас в школе никого нет. Старик, у которого на руке не хватает двух пальцев, сыплет оставшимися тремя на газетку махорку, что-то бурчит, обращаясь то ли к этой махорке, то ли к бумажке. Мальчику очень хочется знать, что он говорит. Но он, видимо, говорит это только для себя...

На той стороне есть глубокий песчаный обрыв. Мальчик ведет к нему. Когда он оглядывается, несущий ружье начинает грозно потрясать им. Ружью будто неловко, оно бы не прочь спрятаться за спины других членов экспедиции. Но ружье изобретено человеком, должно ему подчиняться, вот и приходится служить, как велено... Другой рукой человек с ружьем тянется к высокому заду Раи.

— Отстань! — норовистой кобылицей отбрыкивается та...

Вдруг мальчик видит свою тень. Она стала короткой, но ему уже расхотелось есть. Внутри все чем-то набилось...

Пришли к обрыву. Остановились. Федя поставил его у самого края, прямо против солнца и пошел к своим. Кругом пусто. Мальчик поискал глазами тень. Ее не было. Он понял, что тень провалилась в обрыв...

Ружье поднялось и устоялось на него. Его круглый беззубый рот глухо шепчет: "Беги!"... Другие рты, что с зубами, кричат, смеются, улюлюкают... Мальчик не побежал. Остался на месте, там, где его поставили. Перед ним быстро-быстро вырастают большие дома. Вот прямо по улице пролегла железная дорога... Из черного тоннеля ружейного дула вдруг с дымом выскакивает поезд, грохоча, проскочил мимо, где-то слева... А он все стоит. Ждет другого... Того, на котором должен приехать его отец. Мальчик его видит. Отец высунулся из окна вагона, узнал сына, машет ему. На нем гимнастерка, она вся в звездах....

ТРАГЕДИЯ, ОКРУЖЕННАЯ МОЛЧАНИЕМ

в газете "Комсомольское племя" (ныне "Республика"). Да, они раскрыли ее широко и пронзительно больно — это было, как нож в сердце. Но несколько раньше, когда робкая гласность еще только приоткрывала запретные темы, сам Ахмад Сулейманов поведал о Хайбахе. И не где-нибудь, а в ортодоксальном "Грозненском рабочем". Произошло это так. Редакция заказала Сулейманову — человеку, авторитетному в народе, поэту и ученому, к слову которого прислушивались, — статью о дружбе народов. Он представил прекрасный материал, но первый абзац вызывал шок: во время выселения в высокогорном ауле Хайбах были заживо сожжены сотни людей — стариков, женщин, детей. Редактор одобрил статью, но предложил

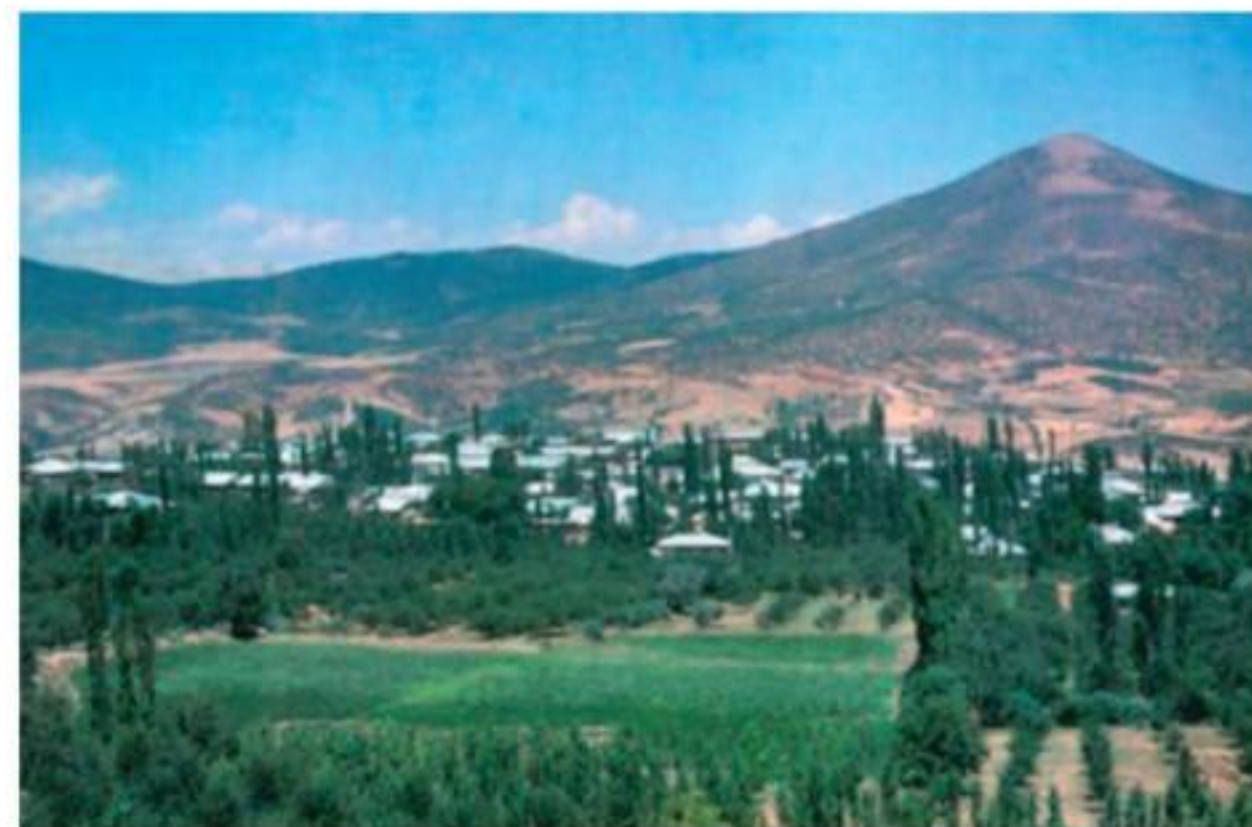
изъять первый абзац, объяснив, что без документального подтверждения не может опубликовать подобные сведения. Поэт, известный своей принципиальностью, отказался: или печатайте целиком, или забираю материал. Выход предложила Людмила Калита: провести журналистское расследование и тем самым обезопасить себя от возможной ошибки. Так и сделали. Расследование проводил корреспондент Арби Сагаипов. Все подтвердилось. Статья вышла полностью. Позже поисковик из Москвы Степан Кашурко обнаружил в доселе недоступных архивах официальные документы 1944 года, где и были зафиксированы с военной точностью эпизоды расправы в горах Чечни над беззащитными женщинами, стариками, детьми.

Как бы ни скрывали правду, она рано или поздно обнажается. Есть такое выражение: когда в дом входит насилие — справедливость из него уходит, а когда насилие уйдет — справедливость вернется не сразу. Сказать всю правду — не значит восстановить справедливость, но сделать важный шаг к этому. С рокового дня 23 февраля 1944 года прошло 60 лет. Новая беда кровавым катком прокатилась по чеченской земле, новые раны разбредили те, старые, еще не зажившие. А правда о тех событиях до конца еще не высказана. Сегодня мы пишем и говорим об этом так часто потому, что слишком долго молчали. И все это время копилась, росла боль. Слишком долго тема была запретной.

Мария КАТЫШЕВА

ПРИЮТ СКИТАЛЬЦЕВ

Исмаил КУРБАХАЖИЕВ

Чардак летом

Селение Чардак расположено на юго-востоке Турции между городами Кахраман Мараш и Гёксун, у подножия Беритовых гор. Оно было основано без малого полтора столетия назад чеченскими переселенцами, которые перебрались сюда из Чечни, спасаясь от русско-кавказской войны, огонь которой полыхал, не стихая несколько десятилетий. Чеченцам в те времена приходилось покидать свои дома, сёла и даже свою Родину, как они вынуждены это делать, к сожалению, и сейчас...

После пленения имама Шамиля, начиная с 1860 года, начался массовый исход горцев Кавказа в Османскую империю, в том числе и из Чечни. Многим чеченцам не суждено было добраться до Османской империи — смерть неустанно шла за ними по пятам, она забирала любого в каждый удобный момент, а уж таких моментов, как помнит история, было немало. Многие не вынесли непривычных климатических условий, турецкая земля в этом отношении оказалась щедрой на сюрпризы. Чеченцам, жившим высоко в горах, привыкшим к их суровому климату и чистому воздуху, было трудно приспособиться к жаркому сухому лету и невероятным капризам тамошней зимы. Эпидемия лихорадки и маля-

рии унесла жизни не одной тысячи чеченцев, искавших покоя и уюта на этой далёкой чужбине.

После долгих скитаний по османской земле чеченцы нашли такое место, где и климат и ландшафты настолько напоминали покинутую родину, что не будь здесь слышна турецкая речь, даже можно было бы подумать, что ты из Чечни вообще и не уезжал.

Чардак зимой

Так началась история этого села, во всех отношениях необычного для юго-восточной Турции.

Когда чеченцы только основали его, здесь, как рассказывают местные старики, росли огромные деревья и в окрестностях водилось много хищных зверей. Первые дома были выстроены из тех же срубленных деревьев, причем некоторые жилища представляли собой обычный навес, окутанный зеленью со всех сторон. Чеченцы не думали здесь долго задерживаться (как когда-то в Средней Азии и Казахстане надеялись на скорое возвращение на родину), и поэтому вместо домов строили примитивные жилища типа барачков, которые сами называли на старинном чеченском чардаками, т.е. временным жилищем. Вот почему турки стали называть это село Чардаком, что на их языке тоже означает навес из торчалов, увитый лианами или выюющимися цветами.

В Чардак мы прибыли морозным зимним утром. По виду, оно ничем не отличалось от обычного горного чеченского селения. Как ни странно, более похожего на Чечню места не найти на всей турецкой ривьере. Просто диву даёшься, как это наши земляки полтора столетия назад умудрились отыскать среди дрему-

Праздник в Чардаке

чих лесов этот уголок земли, настолько схожий с покинутой родиной?!

Как рассказывают здешние старики, первым зданием, которое чеченцы построили в Чардаке, был дом Аллаха, то есть мечеть. Она выдержана в традициях чеченской архитектуры, во всей Турции второй такой не сыщешь. Эта мечеть сохранилась до наших дней и гордо носит имя Чечен Жамиси — Чеченская мечеть. Если вы когда-нибудь побываете в этом селе, вам обязательно её покажут, как одну из его достопримечательностей.

Другая гордость чеченцев — сады. Да-да, яблоневые сады. чардакинские яблоки — особый замечательный сорт, неутомимым здешним садоводам есть чем похвалиться. Вас непременно угостят этими "райскими" плодами, приговаривая с важностью: — "Сами вырастили!"

Невозможно не отметить, что старики в большинстве хорошо, красиво говорят на родном языке. Если даже ненароком проронишь словцо по-русски, как мы привыкли, тут же спросят: "Разве это чеченское слово?" Молодёжь в основном приезжает в село только на каникулы, поэтому родным языком владеют, как правило, слабо, могут разве что поприветствовать тебя по-чеченски. Хотя мне все же встретилось несколько ребят, которые жили вместе со студентами из Чечни и очень даже сносно изъяснялись на чеченском.

Запомнилась история, рассказанная местным парнем по имени Бора. В их дворе был пенёк, он показывал мне его и, как я понял, это самая большая семейная реликвия. История его такова: когда предки Бора покидали Чечню, одна из девочек

взяла с собой несколько орехов. Это были орехи с дерева, которое росло в их дворе. Когда они добрались до того места, где впоследствии возникло это селение, у неё еще оставался один орешек, вот они его и посадили. Из этого орешка выросло могучее дерево, которое впоследствии состарилось и засохло. Для меня то это был просто пенёк, а для них — что-то заветное, связывающее с родной землей...

Особая тема — нохчи ловзар или синкьерам, которые здесь обожают и стар и млад. Сейчас, как мне объяснили, в Чардаке живут немало турков и курдов. Но и они не остаются равнодушными к чеченским танцам — сам видел, с каким восторгом и воодушевлением они ими любовались. Поскольку на таких мероприятиях, как было сказано, бывает и турецкая молодёжь, чеченцы, по их словам, будучи коренными жителями села, проявляя и здесь своё традиционное гостеприимство — на ловзаргах вперемешку с мелодиями чеченских танцев играет и турецкая музыка, чтобы гости тоже могли станцевать свой любимый танец. Молодёжь — девушки и парни — танцуют здесь нохчий халхар, притом, скажу вам, очень хорошо. Многие ребята, как я понял из их рассказов, посещают кружок чеченского танца. Очень удивлялись тому, что я не умею танцевать. Меня здесь не понимали: как можно быть чеченцем и не уметь танцевать?! Пришлось конечно же станцевать.

Посетив Чардак, невозможно умолчать о здешней кухне. У неё свой особый колорит, этаткий чеченско-турецкий. Хотя все блюда национальной чеченской кухни сохранились неизменными — жижиг-галнаш

(их здесь ещё называют жирдан-гаш), курзнаш (я утверждал, что это не чеченское слово, но не смог их переспорить их, курзнаш — это, оказывается, вареники), чепалгаш, хингалаш, чесночный берам и т.д. Старушки говорили мне, что ещё не забыли, как делать баараш и сушить мясо. Но в обычном рационе чардакинцев, конечно же, оставила свой след турецкая кухня — много таких блюд, вкус которых нашему обывателю показался бы совершенно незнакомым или даже странным.

Некоторые обитатели Чардака помнят даже название сёл в Чечне, где жили их предки, другие же, наоборот, знают только, что они чеченцы, а из какого села или тейпа, неведомо. В Чардаке сейчас живут выходцы из тейпов энгиной, гendarгеной, курчалой и др.

Сохранили чардакинцы и старый чеченский обычай взаимопомощи — белхи. Их делают в последнее время всё реже, но, как мне рассказывали старики, — все дома чеченцев селения сделаны именно этим примитивным способом. Потому они резко отличаются от турецких строений и впрямь придают селу чеченский архитектурный колорит.

Чардаку и сейчас присущи многие национальные приметы: это старые реликвии, принесённые сюда первопоселенцами, истангаш, которые и здесь продолжали делать мастерицы, и те же ловзаргаш с чеченским аккордеоном и воттом, дечик пондур, лезгинка и многое, многое другое.

В заключение хочу сказать, что Чардак стал для большинства здешних чеченцев тем же, чем, например, является родной край для чеченцев, живущих в России. Они покидают его для учёбы, работы и т.д., но обязательно возвращаются на праздники и по случаю всех важных событий в жизни их семей и т.д.

Чеченцы, живущие здесь, или чардакинцы, как они сами себя называют, пристально следят за войной в Чечне. Говорят об этом со слезами на глазах, переживают. Есть тут, как я понял, и свои дудаевцы, и своя оппозиция. Но и те, и другие твердят в один голос: нам война не нужна, как была она не нужна и нашим предкам в далёкие 1800-1860-е годы. Нам нужен мир!

Я сказал им: история повторяется. А они возразили: для нас она и не заканчивалась. Не заканчивалась потому, что все мы живём и умираем с тоской по Родине...

РАССКАЗЫ ЧАРДАКИНЦЕВ

Бора Атай

По своему происхождению я чеченец из тейпа курчалой. В Турцию мои предки переехали в середине 19-го века, во время массового исхода чеченцев и ингушей из Чечни, после русско-кавказской войны. По пути в Османскую империю мой отец потерял многих своих родственников и спутников. Когда они всё же добрались до турецкой земли, и тут природа оказалась к ним неблагоприятной — из-за непривычного климата: слишком жаркого лета и очень влажной зимы, большинство переселенцев скосила эпидемия малярии и лихорадки.

Похоронив умерших родственников в селении Пазарджик, где семья остановилась, как только прибыла из Чечни, мой дед покинул его вместе с оставшимися в живых. Позже они переехали туда, где и было создано село Чардак. Из наших остались только мой отец и его сестра.

Чардак ничем не отличается от обычного чеченского села. Но особенно удивительно, как нам подошел климат: он максимально приближен к горному кавказскому климату.

В нашем селе до сих пор сохранились старые вещи, некогда привезенные первопоселенцами из Даймохка. Они — драгоценная реликвия для нас, и конечно, как-то связывают нас с родиной.

Мы верим, что эта война очень скоро закончится и что мы когда-нибудь вернёмся в Чечню. Этой мечтой жили и с ней умирали наши деды и отцы. Живём этой мечтой и мы.

Дилек Озмен

Я из тейпа хачирой, рода модпхароевского. Моего деда звали Ахмедом, он был сыном Али. Все они жили в Хачиройе в селении Модпхарой. Как рассказывал мой отец, у моего деда был близнец Мохмад, но он умер, когда они жили там. В 1890 году, во время русско-османской войны, мой дед уже тридцатилетним переехал в Турцию. После долгих скитаний по турецкой земле он, наконец, поселился на окраине Стамбула. Но прожил тут недолго. Будучи сельским человеком, дед покинул столицу, сказав: "Здесь нет даже места, чтобы привязать корову".

Мой дед был типичным горцем-долгожителем: умер в возрасте 111 лет...

Большинство жителей нашего села хранило все чеченские алаты до семидесятых годов. Но затем турецкая культура стала все быстрее проникать в среду чеченцев, произошла значительная ассимиляция. Связано это в основном с миграцией чеченской молодёжи из села в большие города для учёбы, а некоторые и целыми семьями покидали село, уезжая в города. Численность чеченского населения резко снизилась. Возникло много смешанных семей. К сожалению, сегодня редко встретишь чеченцев, знающих родной язык, которым при этом было бы меньше сорока пяти лет. Однако, кроме языка, всё, можно сказать, по-прежнему — ловзарг, синкьерам, чеченская кухня...

Мне двадцать лет, и я, признаться, почти не владею чеченским языком, хотя сама студентка факультета филологии — моя специальность японский язык и литература. Связано это с тем, что мы жили в городе и учились в турецкой школе. А в наше село ездили только на летние каникулы.

Я иногда сама себя спрашиваю: насколько я чеченка? Представляю высокогорное селение Модпхарой — эту неопи-

суемую красоту, шелест горных лесов, звон ручья по камням, звонкий голос аккордеона и дечик пондар, и твёрдо отвечаю: чем являются для каждого чеченца в любом конце света слова "Даймохк", "Нохчийчоь" или "нохчо", — то же самое они значат и для меня. Я безмерно влюблена в эту маленькую горную страну и в её народ! Я верю, что война закончится и Чечня воспрянет, верю, что мы — её дети, раскиданные судьбой по разным уголкам света, — соберёмся там и будем жить под мирным чеченским небом. Я всем нам этого желаю!

Филиз Айдын

Я чеченка из тейпа эрсиной. Зовут меня Филиз — это означает росток (синтар по-турецки). Скажу вам сразу: абсолютное большинство чеченцев здесь носят турецкие имена, так как закон

(правда, его хотят отменить) запрещает называть детей иностранными именами. Я работаю в культурном центре "Кавказ".

Мой дед с родителями переехал в Турцию, когда ему было всего шесть лет. Прадеда моего звали Топ-полат. По рассказам отца знаю, что мои предки были из Шали, как я сказала выше — из тейпа эрсиной.

По рассказам деда, семья пережила много трудностей и по дороге в Османскую империю, и после поселения здесь. Он говорил, что самой большой проблемой было найти пару — и чеченским девушкам, и парням. Все ведь были в родстве, чужих мало, да и те все больше замужем или женаты. Поэтому стали заключать браки с турками, если своих не хватало. Так, например, моя мама турчанка, но по-чеченски она говорит лучше меня — её бабушка тоже чеченка. Мой дед до последних своих дней рвался на родину, говорят, не забывал о ней ни на минуту...

Там, где мы сейчас живём, есть несколько сёл, которые турки называют чеченскими, хотя сейчас там уже мало осталось чеченцев. Зато в городе и около Сиваса чеченцев и других выходцев с Кавказа довольно много.

Я сейчас отлично понимаю чеченский язык, хотя говорить на нем у меня не очень получается. Умею готовить все наши национальные блюда: люблю делать жижиг-галнаш, ахар-худар, хингалаш. Все наши девушки превосходно танцуют нохчи халхар. Наши родители постарались передать нам, своим детям, если не всё, то хотя бы часть обычаев и алатов. Они же сами росли не на Родине, и конечно, турецкая культура оставила очень заметный отпечаток на них и тем более на нас. Но я себя ни на минуту не считала турчанкой — я чеченка и тем горжусь.

Я всегда мечтала поехать в Чечню, посмотреть на те края, особенно — увидеть Шали. Было время, мы с подругой даже деньги копили, чтобы поехать туда. Не знаю почему, но меня туда тянет, хотя, если честно, жить там я, наверное, не смогла бы. Просто, как рассказывают приехавшие из Чечни, уклад жизни там совсем другой.

Верю, что война скоро закончится и жертвы, принесённые ради мира и спокойствия Чечни, будут не напрасны.

Хотелось бы познакомиться с эрсиновцами и другими чеченцами.

Абдулла ДУДУЕВ

В политику, как он сам признается, его забросили обстоятельства. Обстоятельства эти были драматическими. Он явился, без преувеличения, спасителем своего народа в самый трагический для него час. Руслан Аушев — первый президент Ингушетии, основоположник ингушской государственности. Советский генерал, который мог бы стать образцом руководителя, политика и дипломата в масштабах всего Северо-Кавказского региона, в цивилизационно-культурологическом смысле, бесспорно, являющегося частью Европы, но где без учета этнических, исторически сложившихся традиций и особенностей всякая политика обречена. Аушев показал пример мужества и любви к своему народу, когда, забыв о политических амбициях ради сохранения спокойствия в республике (многие помнят, в какой обстановке проходили выборы президента Ингушетии в апреле 2002 года), сложил с себя полномочия президента досрочно. Некоторые считают, что он ушел из политики. Однако это не так. По его словам, он "... никуда не уходил от общественно-политической деятельности, просто она проявляется сейчас в другой форме".

РУСЛАН АУШЕВ: «МЫ ПРИШЛИ К КПСС»

Руслан Султанович, давайте начнем беседу с прошедших два месяца назад думских выборов. В чем смысл, почему вы баллотировались в Госдуму от блока "Великая Россия — Евразийский Союз"?

По существу это для меня была вынужденная мера. В партии так сложилась обстановка, что лидер покинул ее. А при этом были договоренности с рядом партий, входящих в блок. Оставшись один в руководстве партии, я не мог все бросить за неделю до начала процедуры регистрации. Откровенно говоря, я не стремился попасть в Думу ни по партийному списку, ни по одномандатному округу.

Как вы восприняли итоги выборов?

Я считаю, что выборы были нечестными. В те результаты, которые выдал Центризбирком, я не верю, поскольку из многих участков по всей стране поступала информация о массовых нарушениях и подтасовках. Да и что это за выборы, когда весь год говорили только об одной партии, когда в регионах запрещали вешать рекламные плакаты и щиты всех партий, кроме "Единой России", когда телевидение с утра до вечера работало только на нее одну? Что это за выборы, если губернаторы и министры пошли на них, заранее зная, что в Думе они работать не станут?

У меня с самого начала и не было никаких иллюзий, что это будет честная борьба, что результаты подсчитают добросовестно...

Словом, это были не выборы, а формальность для внутреннего и внешнего потребления, лишь бы продемонстрировать "демократическую процедуру". Давайте вспомним, как прошли выборы в Ингушетию, как они прошли в Чечне, в Петербурге. То же самое сделали в масштабах страны. Поэтому о выборах на какое-то время можно забыть. Пока общество не созреет...

Как вы оцениваете новый состав Государственной Думы?

Никак. Что такое законодательная деятельность? Это когда в результате обсуждения, столкновения мнений, дискуссий и споров рождается, а затем посредством внесения поправок, дополнений, изменений и т.д. доводится до ума тот или иной закон. В этой думе не будет ничего подобного. Придет чиновник с готовым законом — его сразу же примут. А чиновник видит жизнь только из окна своего кабинета, в то время как депутаты встречаются с людьми, знают об их интересах и чаяниях куда больше, чем он.

Теперь много будет в правительстве лоббистов. Раньше они были и в Думе, и в Совете Федерации, не только в правительстве, администрации президента. Сейчас, если понадобится принять какой-то законпроект, решат в одном месте, и все. Но главное — не будет самого парламентаризма. Совет Федерации к этому понятию никакого отношения не имеет. Там все назначенные. Даже если кого-то избрали, те ушли, на их место посадили других. Это же обман.

Мы опять скатились к тому, от чего уходили. Мы пришли к КПСС.

Каким вам видится развитие России как федеративного государства?

Никто не думает о федеративном государстве, на сегодняшний день видят ее как государство унитарное. Идут разговоры об "укреплении" регионов, уже толкуют о назначении губернаторов и глав региональных администраций. Думаю, так оно и будет. И конституцию, наверное, перепишут.

Вы полагаете, что все-таки будут менять конституцию?

Полагаю, что да. Но не сейчас, вероятно, после президентских выборов.

В такой ситуации, по-вашему, в чем смысл деятельности политических партий и движений, проповедующих ценности, отличные от "партии власти"?

Пусть те, у кого есть эти ценности, идут к людям, делятся ими, доводят свои мысли до сознания общества. Иначе для чего они существуют? Только для того, чтобы с думской трибуны выступать? Вон Ленин и прочие революционеры тоже без трибуны обходились. Пусть теперь демократы ходят по улицам, по магазинам, рассказывают о своих взглядах на жизнь, объясняют народу, что правильно, а что обман.

Как, на ваш взгляд, должны развиваться отношения между Чечней и Ингушетией и насколько они зависят от тех, кто возглавляет эти республики?

Отношения между двумя нашими республиками могут и должны быть братскими. Вспомните 94-й год. Практически вся тяжесть проблемы беженцев, оказания им гуманитарной помощи легла на Ингушетию. Ингушетию выдержала и доказала, что не бросит в беде и в дальнейшем.

Сейчас говорят об объединении. Что это даст?.. Я еще понимаю, если бы к нам при этом добавили большой кусок Якутии или Тюмени. Нас объединяли в течение пятидесяти лет. Потом мы разъединились. То объединяемся, то разъединяемся, а потом нас начинают натравливать друг на друга... Ведь если поставить такую задачу да подойти тонко, по-хитрому, можно даже родных братьев сделать ярыми врагами. Надо жить каждому в своем доме. Да, когда были маленькими, жили под одной крышей, потом выросли, с гор ушли, спустились на равнину, каждый себе по-своему дом построил. Но нам же никто не мешает дружить, брататься, жениться, соблюдать обычаи... Так в чем смысл объединения?.. Наоборот, лучше иметь два флага, две печати, две возможности — четырех человек в Совете Федерации, в Госдуме, чтобы защищать друг друга. Задумано это для того, чтобы легче было следовать старинному принципу "разделяй и властвуй": соединить нас опять, чтобы поставить над нами какого-нибудь "умника" из Москвы, чиновника. Смотрите: премьер-министр в Чечне со стороны, министр МВД Ингушетии со стороны — нам всех норовят спустить сверху. Я чего-то не понимаю?.. Они что, будут болеть за Чечено-Ингушетию? Да не будут, никогда. Натворят

чепухи и уедут. Поэтому нечего тут придумывать, мы и так друг от друга никуда не денемся, в космос не улетим, ведь так? Я еще понимаю: братья разлучаются — один улетел в космос, другой остался, плачет... да мы-то не летим, остаемся же.

Раньше как было: приходят деньги на Чечено-Ингушетию, а с какой стати их отдали в Надтеречный район — все остальные районы недовольны, спорят, почему не в Назрань, а в Грозный — вот уже и распря. Пусть каждый занимается своей экономикой, сам зарабатывает, сам обустраивается — не на кого валить будет.

Конечно, влияние руководителей — мощный фактор, он и должен быть таким. Если избирать в руководство тех, кто будет провоцировать вражду, подыгрывать деструктивным силам, тогда тоже добра не жди.

Мы почти все можем решать совместно, даже создать координационный совет по парламентской деятельности, по исполнительной власти, по борьбе с преступностью. Собрались, допустим, раз в месяц парламентарии с обеих сторон — давайте приведем в соответствие наши законы, собрались силовики — давайте синхронизируем наши меры по охране порядка, собралось духовенство — давайте вместе бороться, скажем, с наркоманией. И многое другое. У нас же святые одни...

Теперь опять возникла дурная тенденция — утверждать, что, мол, боевики засели в Ингушетию. Сколько был президентом — то же самое болтали. Да протрите глаза: вон они, наши боевики — беременные женщины в беженских лагерях. И среди "своих" так называемых тоже молодцы находятся, поддакивают этому вздору. Когда подобное измышляют федералы, это хоть не так досадно. Эти еще орали: "Масхадов отдыхает у Аушева в загородной резиденции!". — Что за чушь?.. Они бы еще напали на след Папы Римского!..

В чем вы согласны, а в чем нет с политикой, проводимой действующим президентом Зязиковым?

Я не хочу об этом говорить. Что-нибудь скажешь — обидятся, вообще работать не будут. Пусть оценку дает народ.

Вы — участник боевых действий в Афганистане с советской стороны. Афганистан в 80-е годы и Чечня сегодня: насколько обоснованы параллели?

Никаких параллелей. В Афганистан мы вошли по просьбе его законного правительства. Шел 79-й год. Решение приняли не сразу. Мы воевали на территории другой страны, руководство которой настоятельно, неоднократно просило: "Придите, помогите, нас душат, раздирают противоречия..." Между СССР и Афганистаном существовал договор, давний, еще с 23-го года. Везде, где вспыхивали революции, Советский Союз был готов поддерживать режимы, которые строили или обещали начать строить социализм. У нас там не было задачи "наведения конституционного порядка", "контртеррористической операции". Мы ставили совсем другую, хотя тоже, наверное, ошибочную цель — помочь афганскому народу перейти к социализму. А в Чечне-то что?

В Чечне люди захотели жить, согласно своим взглядам. Федеральный центр сказал: "Нет, мы наведем порядок, будете жить так, как мы скажем!" И это было не другое государство, а своя

территория, свой народ, своя история, культура и т.д. Где же тут могут быть параллели?..

Какую из задач, поставленных в 99-м году, мы выполнили? Меньше делалось терроризма, людей перестали похищать? Нет, напротив, терроризм усилился, приобрел такие формы, каких вообще не ожидали. Камикадзе появились, шахиды, если так пойдет дальше, их число будет расти. То есть выходит, что мы, наоборот, еще больше раскрутили и продолжаем раскручивать этот механизм. Многие до сих пор не желают понять, что ожесточение только усиливает ответную жестокость. Сегодня пропавшими без вести числятся более двухсот военных, их ищут по Чечне. Чего же мы достигли? Пусть мне назовут хоть одну задачу, которую удалось решить ценой этой войны. Спокойнее стало на Кавказе?.. Нет! Значит, все делается неправильно..

А как надо действовать?

По-другому. Чего ради у нас там постоянно выступают одни и те же лица, те самые, кто стрелял и воевал? Пусть они, наконец, уберутся. Все! Чего добивается Российская Федерация? Территориальной целостности. Законное требование? — Законное. Никакое государство не захочет, чтобы его делили. А чеченский народ говорит: мы не хотим жить в стране, где нас то и дело депортируют, убивают, грабят. Нам нужны гарантии безопасности. Значит, надо найти такой компромисс, который бы и сохранил территориальную целостность России, и дал гарантии чеченцам, что они будут жить в этой стране, беспрепятственно сохраняя свой этнос, свою культуру и государственность, свою историю, и никто больше никогда не посмеет их выселять, объявлять бандитами и т.д. Конечно, после всего, что произошло, потеряв столько человек убитыми, нанеся и получив столько ран, договориться будет трудно. И все же можно найти компромисс. Только весь этот контингент в погонах, всех, кто воевал, да и тех, кто в течение десяти лет умничал, не смущаясь, что льется кровь, надо убрать из республики. Не беспокоясь, что с ними без войны будет, куда деть того и этого. Кого волнует, куда он пойдет? Да скатертью дорога на все четыре стороны! Это все люди не бедные, хорошо подзаработали, авось не пропадут. Стоит только начать серьезно работать, по ходу дела появятся, сами вылезут неожиданные фигуры. Я что, когда-нибудь думал президентом стать?.. Даже в мыслях не имел. Так случилось, так сложились обстоятельства... Выросло поколение молодых, энергичных, мыслящих ребят, способных работать с толком, знающих, где наступать, а когда и уступить надо. В политике же нельзя только гнуть свое. Нужно порой сделать один шаг назад, чтобы потом стали возможны пять шагов вперед.

У вас остались какие-нибудь воспоминания, связанные с выселением?

Я родился в 1954-м году в изгнании. Мы жили в Алма-Ате. Когда стали возвращаться, мне было четыре года. Помню эшелоны, которые шли на Кавказ. Люди второпях грузили все, что было, каждый вез свой скорб. Когда эти эшелоны прибыли на Кавказ, помнится, дети лазили по ним, люди танцевали, плакали — была большая радость...

Исмаил КУРБАХАЖИЕВ

11 сентября – это число в календаре отмечено знаком беды. У каждого народа, у любого государства есть такие даты. Бывает, что и не одна. Так случилось с чеченцами: для поколения моего прадеда самым черным годом был 1937-й, для моего деда и родителей это февраль 1944-го, а вот 11 декабря 1991 года достойно того, чтобы стать нашим общим днем скорби. Но российское, да и мировое общество уже так привыкло к этой войне, что очередная годовщина ее начала воспринимается как довольно будничная реальность. А сколько смертей она принесла, никому словно бы и дела нет. Десятки, может быть, сотни тысяч безвинных человеческих жизней канули в Лету. Война отняла чье-то детство, кого-то сделала инвалидом, стёрла в пепел чьи-то города, мечети, дома. Чтобы оправдать эту войну, силы, в ней заинтересованные, для начала произвели несколько взрывов мирных жилых домов. Кто это сделал, так в точности и не выяснили, но республику, где предположительно могли находиться эти неопознанные преступники, тотчас принялись беспощадно бомбить, заклеив ее жителей именем террористов...

Сколько убитых с обеих сторон? Похоже, это вопрос второстепенный. Сторонники силовых решений всегда спешат начать боевые действия, чтобы у народа, подавленного чудовищностью происходящего и тяжестью возводимых на него обвинений, не хватило времени оправдаться. Так в интервью, которое она мне дала, говорит о второй чеченской войне русская женщина, вдова Джохара Дудаева – Алла. Мы решили, что беседа с ней может быть интересна для наших читателей. И постарались задать Алле Дудаевой как можно больше вопросов, причем она исчерпывающе ответила почти на все.

АЛЛА ДУДАЕВА:

«НАС ОЦЕНЯТ НАШИ ПОТОМКИ»

Алла, у вас недавно вышла книга "Миллион первый". Что вас побудило написать её? Долг перед мужем, перед чеченцами или Вам захотелось расставить все точки над i в уже известных событиях тех дней?

Все сразу: долг перед мужем и любовь к чеченскому народу, идущему сейчас по второму, невыносимому кругу ада. В 1991 году наш дом был переполнен журналистами, Джохар не успевал отвечать на вопросы и поделил их пополам. Я вначале очень стеснялась, но он сказал: "Не бойся, я знаю: у тебя все получится. Не забудь только сказать: "Нас оценят наши потомки". Эта его фраза больше всего понравилась журналистам и стала заголовком моего интервью... Жизнь быстротечна, сегодня мы не помним того, что было вчера. Но если даже эта память, которую так легко смывает река времен, запутана ложью политиков, как в ней разберутся наши дети, а уж тем паче далекие потомки? Я хочу, чтобы они узнали правду. Надеюсь, что, прочитав мою книгу, и россияне лучше поймут нас.

Чем вы объясните, что книга продаётся "на ура" в нескольких странах мира (включая даже Москву), – вашей популярностью или стремлением людей узнать новые факты из жизни вашего мужа?

Причиной тому известность Джохара. И потом, в любой войне, особенно такой длительной, кроме ненависти, возникает в некотором роде взаимопонимание. И я думаю, что сейчас в России стали гораздо более интересоваться чеченцами, чем за все историческое время сосуществования наших двух народов. Люди пытаются разобраться в происходящем. Особенно женщины, ведь у многих на этой войне кто-то из родных, знакомых, любимых воюет или погиб... Каждый ищет в ней свое.

В вашей книге подробно описывается, как погиб ваш муж. После первой войны в Чечне не прекращались митинги людей, веривших, что Д. Дудаев жив и вскоре вернется домой. Вы как-то пытались тогда довести до их сведения, что это не так?

Это было самым тяжелым бременем для меня. Кроме людей, искренне любящих и действительно ждущих возвращения Джохара, среди них были и такие, которые работали на ФСК и хотели расшатать от его же имени устои государства, созданного им и его соратниками. Ведь если Джохар был жив, то терял легитим-

ность президент Аслан Масхадов. Кроме того, если бы поверили, что символ Свободы, которым после своей гибели стал президент непокорной Ичкерии, на самом деле попросту сбежал, исполнилась бы самая заветная мечта его врагов. Большого позора для чеченца нет! Но, с другой стороны, народ, не видевший Джохара умершим, хотел надеяться, что он, может быть, просто ранен и скоро вернется. Всякий, кто утверждал обратное, убивал его надежду. Но мне пришлось сделать это, я была свидетелем и не могла лгать. В 1996 году, через два дня после того, как не стало Джохара, я подтвердила факт его гибели перед всем миром. В 1997 году был снят фильм, где я давала показания об этом на месте последнего покушения в Гехи-Чу. А чеченский народ все равно надеется, ведь в Коране сказано: "Тех, кто идет по праведному пути, я забираю не мертвыми, а живыми..."

Алла, в 1996 году вас задержали в аэропорту Нальчика. Что тогда произошло на самом деле? И потом, что за история с вашим "тайным побегом" из Москвы? Вас действительно держали под домашним арестом?

Очень долго рассказывать... Я ехала не с моим настоящим паспортом. Меня задержали, сказав, что они знают, кто я, и отпираться бесполезно. Со мной было ещё несколько товарищей, я больше переживала за них. Но у них было всё в порядке с документами, и их под усиленным конвоем проводили в самолёт. Но Муса Идигов, верный друг и охранник, в самый последний момент в знак протеста вышел из самолёта, чтобы разделить мою судьбу. Меня тайно в большой спешке посадили на самолёт и отправили в какой-то город – я не знала, куда, но он мне показался похожим на Кисловодск. Мусу оставили в Нальчике. Там ко мне несколько раз приезжали офицеры ФСК, их интересовал только факт гибели Джохара. Ничего нового к тому, что уже было заявлено на пресс-конференции, я добавит не могла. Больше всего тогда я беспокоилась за Мусу – мне пообещали отвезти его со мной в Москву, а не в фильтрационный лагерь. На следующий день нас действительно доставили в Москву. Мне передали личный приказ Ельцина о моём освобождении, а Мусу посадили в тюрьму на Лубянку – это гораздо лучше, чем фильтрационный лагерь, откуда ведь люди выходят либо калеками, либо бесследно исчезают. Машины ФСК охраняли улицу, на которой я жила, и меня периодически вызывали для дачи показаний на Петровку 38.

За две недели перед выборами президента РФ я, опасаясь очередной провокации спецслужб, решила тайно покинуть Москву. После моего внезапного исчезновения в прессе поднялась паника, газеты пестрели догадками, новыми версиями. Москву я покинула, не имея на руках даже паспорта. У меня была только справка. Обеспокоенные якобы моим здоровьем, а в действительности количеством прессы, охранники позже признались, что через два дня ФСК собирались меня отвезти в один из закрытых домов отдыха, чтобы дать возможность отдохнуть...

Вы писали о Ельцине: "И повар хмельной, не дождавшись утра, спалит вместе с кашей и кухню дотла". Многие до сих пор вспоминают с недоумением ваши слова "Ельцин – наш президент", сказанные тогда вами в Москве. Вас заставили это сказать или вы действительно считали его "наилучшим из худших"?

Тогда в Москве я каждый день давала по несколько интервью. Я говорила о партии войны, называла фамилии людей, приближенных к президенту и бывших тогда в чести. Ельцин был жалок и смешон, поэтому не вызывал у меня особой враждебности. Всеми силами души я ненавидела тех, кто предал и чеченский и российский народ, заставив их убивать, а сами отсиживались в тени, зашибая на этой крови большие деньги. Как могла, я пыталась продолжить дело мира, ради которого жил и погиб Джохар, остановить бесчестную войну, уносящую жизни российских и чеченских сыновей. Но из меня сделали очередное шоу – предвыборную рекламу Ельцину. Дело происходило в одном из огромных зданий в самом центре Москвы, я там выступила и сказала: "Не так виноват он, как те, кто делают деньги на этой войне, не давая ее остановить. Ельцину, кроме позора, эта война ничего не принесла". Обнародовали одну только эту фразу, вырванную из моего выступления. Чтобы я не смогла в дальнейшем протестовать, один из офицеров ФСК отвел меня в сторонку и напомнил о нашем самоотверженном охраннике, Мусе Идигове.

– "С ним всякое может случиться", – многозначительно сказал мне он. Я сначала даже не поняла, зачем он это говорит. Но на следующий день по всем каналам российского телевидения показывали мое лицо... После этого мне пришлось смириться, к тому же гораздо важнее было прекращение кровопролития в Ичкерии. И потом, меня слишком хорошо знали у нас в республике, чтобы поверить, что я могла рекламировать Ельцина.

Не секрет, что в Чечне о вас и вашей судьбе ходят невероятные толки – к примеру, утверждают, будто вы якобы вышли замуж за двойника Д. Дудаева. Что бы вы сказали тем, кто распространяет такие слухи?

Такие измышления с целью опорочить меня давно пускают в ход стукачи, это уже вторая серия из той же обоймы. Парадокс, что одно и то же болтают те, кто злонамеренно распространяет байки о моем замужестве, и те, кто искренне любят Джохара. Видимо, эти последние придумали двойника, и мне всегда жаль их разочаровывать. Мужчины обычно не спрашивают, а женщины, узнав правду, плачут...и говорят, чтобы я ждала, он обязательно вернется...

Как вам живётся в Турции, чем вы занимаетесь на данном этапе вашей жизни?

Хотя здесь меня окружают родственники, я очень скучаю по Ичкерии, хочу вернуться, верю, что еще буду там жить. Пишу вторую книгу, занимаюсь культурно-информационной работой, жи-

вописью, организую выставки картин об Ичкерии, получаю письма.

Какую картину Вы сейчас пишете и отражается ли как-то чеченская война на вашем творчестве?

Последняя моя картина вдохновлена книгой Л.Н. Толстого "Хаджи-Мурат" – гордый цветок колючего огненно-малинового татарника на фоне голубых чеченских гор, символ свободолюбия горцев.

Когда вы в последний раз были в Грозном? Есть желание туда вернуться когда-либо?

Я уехала из Ичкерии в конце 1999 года и обязательно вернусь, как только это станет возможным.

Нет ли у Вас намерения просить политического убежища у какой-нибудь демократической страны?

Нет. У меня есть чеченский паспорт и есть Родина. Я мечтаю о том времени, когда буду жить в свободной стране, в своем доме, чего и другим желаю.

Алла, вы русская женщина, чья судьба накрепко связана с судьбой чеченского народа, что бы Вы сказали тем, кто утверждает, будто чеченцы нетерпимы к русским и русско-

язычному населению?

Кому-то очень не хочется мира между Россией и Чечней, между нашими народами. Слишком многие греют на этой войне руки. Я все, что могу, делаю для мира, но сейчас любовь и ненависть народов друг к другу, к сожалению, определяют политики. Россияне должны осознать, что без уважения к живущим рядом народам мира не получится, и признать их право распоряжаться своей судьбой. Времена меняются, история преподаёт нам уроки, один суровее другого. Те, кто думал, что отсидится и несчастья обойдут его стороной, теперь начинают понимать, что война может войти и в его дом. Вы видели телевизионные кадры разрушенного Грозного, ныне города Джохар, лица отчаявшихся людей, и это останется в Вашей памяти... Вы знали, что существуют фильтрационные лагеря, тюрьмы, в которых забивают насмерть, ямы с ледяной водой, куда сталкивают людей...и продолжали спокойно спать по ночам. Сколько раз другие люди, чеченцы, русские и даже граждане других государств, журналисты, врачи, правозащитники, рискуя, жертвуя собой, пытались остановить грязную войну, а вы и пальцем не шевельнули. Ваше равнодушие к тому, что происходит рядом, ужасает. Оно граничит с соучастием: вы ЭТО видели и не возмутились! Растет ядовитое дерево – Российский Фашизм. Оно может отравить и вашу судьбу...

Скажите, что было для вас трудней – быть женой генерала или мятежного лидера республики, Или всё же труднее всего быть женой чеченца?

Женой чеченца быть трудно, но интересно; женой генерала быть легко и приятно, но невероятно тяжело быть женой президента, особенно мятежного...

Если бы вам предложили выбор: тот путь, который Вы прошли, или долю полегче – каково было бы ваше решение? Вы не захотели бы иного жребия? Почему?

Я бы снова выбрала тот же нелегкий путь, рядом с любимым человеком. Теперь у меня появились настоящие друзья, каких не бывает на легких дорожках. Все они – также и друзья Джохара, о многих он не ведал сам, но они у него есть по всему свету. И я этим горжусь.

Все знают только о вашей чеченской семье, но почти никому ничего не известно о другой, русской – у вас есть сёстры, братья? Правда ли, что ваш отец генерал? Как он от-

носятся ко всему тому, что произошло в вашей жизни?

У меня нет родного брата или сестры, есть только двоюродные. Мой отец, Федор Васильевич Куликов, был майором, когда мы с Джохаром поженились. А слухи распускали те, кто не верил, что без помощи тестя-генерала он мог только своим трудом и заслугами пробить брешь в почти непреодолимой системе препятствий, ограничивающей карьерные возможности каждого чеченца. Мои родители очень любили Джохара, гордились им и болели душой за него. Моя мама Валентина Петровна (в девичестве Иванова) умерла в 1992 году, незадолго до первой русско-чеченской войны. Отец очень постарел за это время, тяжело заболел и с трудом перенес весть о гибели Джохара.

В 1997 году на благотворительном концерте в помощь детям Чечни в Стамбуле, где принимали участие такие звёзды мирового масштаба, как актриса Э.Тейлор, певец Таркан и др., ваши картины продавались за высокую цену — дошли ли эти деньги до чеченских детей?

Организацией того концерта занималась широко известная в элитных кругах Запада Кашпар Кашогчи. Это она получила суммы, вырученные от продажи двух моих картин и билетов на концерт. Помощь чеченским детям должна была осуществляться через благотворительный международный детский фонд. Вот у них и надо спросить, куда пропали наши деньги.

А у Вас самой не возникало желание создать благотворительный фонд или еще какое-либо сообщество в помощь детям или чтобы остановить войну в Чечне?

Никакие благотворительные фонды не способны ее остановить, пока с ней связаны столь многие политические интересы.

Вашу судьбу часто сравнивают с судьбой Мананы Гамсахурдия — супруги покойного президента З.Гамсахурдия. Вы с ней не дружите? Ведь она какое-то время жила в Грозном?

Правительство чеченской республики предоставило Звиадзу Гамсахурдию и его семье политическое убежище. Я хорошо знаю Манану и ее детей, мы довольно часто общались — это был мой долг гостеприимства. Но мы с ней слишком разные люди, чтобы наше знакомство переросло в дружбу.

Алла, в своей книге вы приводите много цитат из Кора-

на. Что побудило вас принять ислам и что после этого изменилось в вашей жизни?

Путь к исламу был долгим и состоял из необъяснимых видений, сбывающихся снов и знаков. Я искала ответа в разных книгах, но именно Коран стал для меня открытием и все объяснил. Кроме того, он объединяет всех пророков, посланных Всевышним, Тору и Евангелие. И говорит о своей преемственности. Ислам кажется мне самой гуманной, справедливой религией, дающей человеку опору и в том, и в этом мире. Политики, пользуясь невежеством людей, запугивают их фанатичными мусульманами, но стоит начать изучение Корана, как все становится на свои места.

О чём вы просите Всевышнего чаще всего?

О том же, о чем молит его вся Ичкерия. Чтобы на нашу землю вернулся мир, чеченский народ стал свободным, и если Всевышнему для этого нужна моя жизнь, пусть он возьмет ее. За это уже отдали свои жизни двести тысяч людей, и многие из них были гораздо лучше меня.

Алла, хоть вы и не политик, скажите, каким вы представляете будущее Чечни и верите ли до сих пор в возможность создания независимого чеченского государства?

Будущая Чечня видится мне свободной и независимой. А насчет чеченского государства, так оно давно уже создано.

Если бы у вас был случай обратиться к воюющим сторонам в Чечне, что бы Вы им сказали?

Моя книга заканчивается стихотворением. Там есть такие строки:

Скажите смерти "Нет!"

Скажите жизни "Да!"

Как страшный сон исчезнет жестокая война!

Лишь общая победа нам, видно, суждена!

От света нашей правды растают ложь и мгла!...

Когда сто тысяч городов воскликнут с нами — "Да!"

"Да!" — жизни, счастью, солнцу!

Любви, свободе — "Да!"

Желаю Вашему журналу и его читателям удачи и процветания. Очень надеюсь, что мы успеем оставить нашим детям цветущий мир, полный доброты и любви, а не тот, в котором приходится жить сейчас.

МНЕНИЕ

КТО ХОЧЕТ «ВАЙНАХИЮ»?

Марьям ЯНДИЕВА

Председатель Ингушского "Мемориала", сопредседатель Союза женщин Северного Кавказа

Это более, чем преступление, — это ошибка. На ум в который раз приходит затрепанный афоризм, который за последние годы столь часто вспоминают те, кому приходится анализировать политическую ситуацию в нашей стране. Еще одна, мягко выражаясь,

ошибка — объединение Чечни и Ингушетии, запланированное в Администрации Президента России на 2006 год. Это не что иное как попытка уйти от проблемы мятежной Чечни под предлогом укрупнения субъектов Федерации в ходе дальнейшего ужесточения властной верти-

кали на ближайшем этапе путинского правления. Это значит, что бойня в Чечне вообще исчезает с экранов и страниц всех СМИ. Стало быть, никаких напоминаний о варварстве демократизирующей и реформирующей России. Чечня или Чеченская Республика пере-

стает вербально и визуально существовать, трансформировавшись в некое новое административное образование. Еще это означает, что в новейшей истории России такого позора как беженцы — тоже больше нет. Мы же утверждаем, что чеченских изгоев на территории Ингушетии после всех благостных отчетов об их добровольном возвращении к родным пепелищам — более 100 тысяч (не нужно обольщаться видом пустырей на месте исчезающих один за другим палаточных лагерей. Чеченцы буквально рассыпаны по всем селам и городам Ингушетии, кто как может, пристраиваются в частном секторе).

То, что на сегодняшнем официальном языке именуется объединением двух братских народов — по сути уничтожение легитимной государственности обоих: как ингушской (традиционно пророссийской) внутри РФ, так и чеченской, масхадовской или пророссийско-масхадовской, коль скоро мнения на сей счет разделились за двенадцать последних трагических лет.

Для любого народа потеря суверенности (пусть условной, даже почти фантазмой) означает утрату этнической, языковой, культурной и нравственной идентичности, размываемой в политико-публицистическом термине XX века "вайнахи" (кстати, больше употребляемом ингушами, чем чеченцами). Период депортаций, как и вся последующая невыносимая тягость бытия после возвращения (перефразируя М.Кундере) были высочайшим примером солидарности ингушей и чеченцев, синхронно подвергнутых государственному тотальному террору: они были депортированы в один и тот же день 23 февраля 1944 года и одним Указом, прощенные, возвращены в родные края, где их ждала новая борьба, поскольку иначе не назовешь выпавшие на их долю труды — обустройство разрушенной жизни. Объединившее два народа слово "вайнахи" было символом истинной поддержки, взаимной помощи и единства трагической судьбы в эти годы, когда в общей мы столько раз подставляли плечо друг другу.

Однако 1991 год показал, что народы выбрали каждый свою, отдельную, а не общевайнахскую национальную судьбу. Ингуши до сих пор видят решение всех своих проблем внутри российской государственности, тогда как вопрос о Чечне и чеченцах еще далеко не закрыт, несмотря на всё то, что сегодня принято утверждать в официальных политических кругах.

Трагедия ингушей и чеченцев конца XX — начала XXI века заключается, помимо всего прочего, еще и в том, что оба народа в экстремальных условиях госу-

дарственного террора (этнической чистки ингушей в Пригородном районе в 1992 году, двух чеченских войн и сопутствующих им непрерывных преследований ингушей и чеченцев по расовому признаку на всей территории РФ) вынуждены отстаивать свою этничность даже в ущерб культурной, психологической составляющей национального развития, чтобы просто уцелеть на этнической карте Кавказа!

Вся ситуация второй чеченской войны ясно показала, что вайнахи — два разных народа, отличающиеся каждый своим мировидением, психологией, стратегией выживания в агрессивной враждебной среде. Инстинкт сохранения своего этноса у ингушей поневоле выражен сильнее, хотя бы потому, что их, ингушей, на порядок меньше, чем чеченцев.

Кроме сказанного выше, объединение предполагает, что театр военных действий (ведь на картах армейской и спецслужбистской братии Ингушетия с 1999 года обозначается как западный сектор контртеррористической операции) как бы вписывает обе республики в единую политико-административную схему, что многократно увеличит беспредел и разгул военщины, милитаризацию, а также масштабы преступных злоупотреблений спянного финансово-нефтевыми интересами коррумпированного военно-чиновного контингента, немало не озабоченного реализацией каких бы то ни было проектов развития ни в Чечне, которую топчут все эти силы, ни в подминаемой ими же Ингушетии.

Устами Кадырова, Аслаханова, Хасбулатова, Хаджиева, Завгаева и т. д. провозглашая идею объединения, федеральный Центр рассчитывает, что следующий срок президентства Путина пройдет спокойно, удастся избежать образования на Северном Кавказе новой горячей точки. Увы, подобных гарантий нет, ибо, судя по всему, Центр фактически не собирается даже внятно проартикулировать условия и схему объединения, как то: границы (а они должны проходить четко по этнически-территориальному принципу), пропорциональное представительство в органах исполнительной и законодательной власти, месторасположение столицы Вайнахии и т. п.

После десяти лет суверенитета, пусть даже внутрироссийского, ингуши прекрасно оценили все преимущества самостоятельности — экономические, хозяйственные и политико-психологические: свой флаг, герб и гимн — могучие факторы подъема национального духа в условиях постсоветской империи. К тому же абсолютно устрашающий пример укрощения пассионарных чеченцев за эти годы подействовал на ингушей угнетающе, вызвал подавленность и желание

держаться в стороне от великого чеченского пожара, надежды погасить который, судя по всему, пока не оправдываются.

Ингушский народ пугает и еще одно, почти мистическое обстоятельство. В 1934 году, обойдясь без волеизъявления обоих народов, их объединили, решением сверху лишив самостоятельности, а теперь, ровно через 70 лет (и каких!), опять сверху пытаются за ингушей решить их национальную судьбу. Совпадение фамилий ингушских лидеров тогда и сегодня также не прибавляет оптимизма.

Задуманный проект объединения, безусловно, персонифицирован. Мы думаем, исходя из анализа заявлений чиновников разного уровня, что в кремлевских заготовках есть несколько кандидатов на лидерство (под любым названием: президента ли, верховного главнокомандующего Чечни и Ингушетии, генерал-губернатора ли) в объединенном субъекте Федерации. Условно говоря, хороший парень для власти — это цивилизованный Аслаханов, выполнивший все предвыборные пожелания Кремля (имеются в виду выборы президента Чечни), а потому подлежащий награде. В этом качестве он должен смотреться более или менее пристойно. По этому сценарию роль плохого парня, возможно, предназначается Руслану Аушеву (как вынужденной альтернативе Аслаханову). Он — традиционный любимец чеченцев и, как показали последние думские выборы в Ингушетии, к тому же по-прежнему дорог ингушам, которые крепко любят своего храброго генерала.

Мне представляется, что наиболее реалистична кандидатура назначенца из Генпрокуратуры либо МВД, а то и ФСБ, причем этот товарищ должен быть русским, как прежде выражались, по пятому пункту. Короче, новый путинский срок сулит нам непростые годы.

Что до референдума по поводу объединения, о котором говорит президент, это будет такая же профанация, как все предшествующие выборы в стране, как вообще демократия, либеральные реформы, свобода человека и гражданина, так и не состоявшиеся в России.

И последнее. Настоящее объединение ингушей, чеченцев, дагестанцев, карачаевцев, балкарцев, казаков и других — несомненно, впереди. Но это объединение будет основываться не на имперских мифологемах: старший брат и младшие братья, вечная братская дружба, а на фундаменте коллективной безопасности и экономического процветания всех народов в общекавказском пространстве как части европейского континента.

Вячеслав ИЗМАЙЛОВ

СПАСИБО ДОБРЫМ ЛЮДЯМ

Добрые люди — это, в частности, те, кому не свойственно, веселясь за праздничным столом, забывать о нуждающихся которым некому помочь. От редакции "Новой газеты", находящейся в Потаповском переулке Москвы в районе "Чистых прудов", до лагеря временных переселенцев (не по-чиновничьи говоря, попросту беженцев) из Чечни "Серебряники", расположенного в Вышеволоцком районе Тверской области — ровно 352 км.

Цифра точная: начиная с августа 2002 года, мы этот километр измеряли многократно.

Именно первого августа 2002 года чиновники миграционной службы МВД России надумали лишить питания приютившихся там людей разных национальностей, имевших несчастье потерять свой кров в Чечне.

В "Новую газету" обратился тогда за помощью один из обитателей "Серебряников" Магомед Сантов, отец пятерых детей. Он рассказал, что в Центре временного размещения беженцев из Чечни более 250 человек: чеченцы, русские, ингуши и даже греки. Некоторые живут здесь еще с первой войны, то есть с 1995 года. Но большинство направлено сюда в конце 1999 года, в том числе около 150 детей. И вот после стольких лет пребывания здесь пусть на скудном, но уж каким ни на есть продовольственном обеспечении людей лишают еды.

Беженцы восприняли эти действия властей однозначно: их хотят вынудить вернуться в Чечню.

Кремль и его представители в Чечне в то время заявили, что война с бандитами закончилась, жизнь налаживается, и пора всем беженцам вернуться домой.

Но куда? Что значит это "домой", когда дома уничтожены? Обитателям "Серебряников" некуда возвращаться, ведь жилье их разрушено.

После того, как Магомед Сантов рассказал мне, что дети голодают, я не мог ехать в "Серебряники" просто как журналист и расспрашивать голодных людей об их жите-бытие.

Обзвонил своих друзей, постоянных читателей "Новой газеты": Михаила Крегера, Адлана и Ирину Эльдархановых, Владимира Вьюкова. Они совместно с коллективом "Новой газеты" собрали продукты и одежду, тем самым обеспечив мне ту первую поездку в "Серебряники" в августе 2002 года.

Ведь легче общаться с терпящими бедствие, если приехал к ним с конкретной помощью, а не просто как сочувствующий журналист.

Брошенные государством на произвол судьбы, эти люди действительно голодали.

Работы в ближайших поселках нет. Да и в Вышнем Волочке не много нашлось охотников взять на работу чеченцев, а если и брали, то на самую мизерную зарплату.

В 2002 году сбор продуктов и одежды в "Новой газете" проходил ежемесячно, уже, можно сказать, организованно.

А что же власть? На наши тревожные публикации она реагировала вяло и формально. Присылали в "Серебряники" чиновников миграционной службы из Твери и из Москвы с проверками. Они устраивали какие-то собрания и даже индиви-

дуальные собеседования с беженцами. Некоторым предлагали заброшенные хибарки в местных деревушках, другим обещали временное жилье в Чечне. Но люди, долгие годы живущие на птичьих правах, устали от всего временного. Они рассчитывали, что им выплатят компенсации за их разрушенное российским государством жилье в Чечне и утраченное имущество. А на эти компенсационные средства они бы сами определились, как и где им жить дальше.

Но выплату компенсаций власти постоянно откладывают (это продолжается по сей день), а людей в "Серебряниках" по-прежнему не кормят.

В то же время федеральные чиновники миграционной службы слали в редакцию "Новой газеты" бодрые отписки. Заверяли, что для беспокойства нет никаких причин, компенсации скоро выплатят, а до этого людей будут кормить.

Нам, конечно, хотелось в это верить. Но обманутые властью жители "Серебряников" ежемесячно звонили в газету и сообщали, что их положение все еще остается плачевным и они по-прежнему голодают.

И на протяжении всего 2003 года мы продолжали каждые полтора-два месяца собирать продукты и отвозить их беженцам.

В каждой из этих поездок меня сопровождали кто-нибудь из читателей "Новой газеты" и коллеги-журналисты: профессор психологии Эльвира Горюхина, молодая мать троих детей Инна Бауба, предприниматель (из сферы мелкого бизнеса) Михаил Кригер, Марина Аликина и другие.

Самое сложное в этих поездках было найти транспорт для продуктов и вещей. Несколько раз я ездил на редакционной "газели", но она сломалась. Пару раз выручало с транспортом издательство "Московская правда", ее генеральный директор Владимир Грибков — наш друг.

Бывали случаи, когда автомобили в дороге ломались. Ох, и намучились мы тогда!

В последних двух поездках в ноябре и декабре 2003 года

Дети беженцев на Елке

нам повезло. В ноябре две грузовые машины выделила компания Би-Би-Си, и ее журналисты были с нами.

А в предновогодней поездке 22 декабря автомобилями обеспечила нас Екатерина Гениева — президент Института "Открытое общество" (фонд Сороса). Кроме автотранспорта, Наталья Копелянская из Института Толерантности (одного из подразделений Института "Открытое общество") взяла на себя доставку сорока детей школьного возраста из "Серебряников" на елку в Тверь.

Новогодний праздник для детей из Чечни был организован в Твери в Пушкинской библиотеке, которой фонд Сороса оказал помощь в компьютеризации и пополнении книжного фонда. Каждому ребенку на этой елке Дед Мороз и Снегурочка вручили именной подарок. Было замечательное представление, игры.

В общем, праздник для детей удался. И даже многие родители, приехавшие вместе с детьми, признавались, что получили большое удовольствие.

Очень помогла нам в этой поездке известный журналист и общественный деятель Лидия Ивановна Графова. Ее фонд выделил сорок детских курток и сорок пар зимней обуви для детей.

А журналисты "Новой газеты" и ее читатели, как всегда, собрали для беженцев машину продуктов, не забыв про всевозможные сладости и детское питание, так как в "Серебрянике" есть и грудные младенцы. В этой последней поездке, кроме постоянных читателей, нам помогло с продуктами общество дружбы с королевством Марокко.

Только российское государство осталось в стороне. Оно ничем не облегчило участь попавших в беду людей.

Но какое счастье, что есть люди, не забывающие о тех, ко-

Праздничный обед

му сегодня плохо! Наши друзья, помогавшие в этой предновогодней поездке, в том числе и журналисты, создатели журнала "ДОШ" Исрапил Шовхалов и Абдулла Дудуев, — все они из тех, кому не в радость яства на новогоднем домашнем столе, если кто-то рядом голодает.

Когда мы уезжали из "Серебряников", ко мне подошла пожилая женщина: "Вы не забудете о нас в Новом году?"

— Нет, не забуду.

Теперь помощь беженцам в "Серебряниках" — это уже не акция "Новой газеты", а дело многих людей, чувствующих чужую боль так же, как свою.

Присоединяйтесь к доброму делу!

Тина БРЮССЕЛЬ

НАШИ В ЕВРОПЕ

Если хочешь встретиться с чеченцами — приезжай в Бельгию! А точнее, в Антверпен. Можно начинать прямо от самого красивого вокзала страны — Сентрал Антверпен. У всех живущих в Европе чеченцев обязательно есть родственники или знакомые в этом городе, так что на вокзале непременно увидишь их среди встречающих и провожающих. Если провести здесь несколько часов, можно встретить каких-нибудь знакомых, которых не видел лет пятнадцать.

На этом вокзале не нужно опасаться, что подойдет полицейский и предложит следовать за ним из-за то-

го, что у тебя есть лицо. Наоборот, у него можно узнать любую информацию, причем он так приветливо улыбается, что даже хочется продолжать спрашивать его о чем-нибудь еще. Когда наши люди привыкли, что кавказская национальность их лиц никого не смущает, они от всей души полюбили представителей власти. У многих теперь есть приятели-полицейские, которых очень трогает такое непривычное дружелюбие. Бельгийцы не жалуют своих блюстителей порядка, считают, что они зря проедают налоги.

Неподалеку от центра расположен "турецкий район", там можно недорого купить мясо, фрукты и овощи. Очень даже может быть, что ты и здесь встретишь своих родственников или хотя бы односельчан. Что бы ни покупали чеченцы, они всегда сравнивают продукты с грозненскими и сокрушенно цокают языками:

вот, мол, приходится есть все это, такое невкусное, пресное...

Здесь можно узнать все новости: кто женился, у кого сын родился, кому из дома позвонили, к кому кто приехал. Особенно чеченцы любят обсуждать политические новости. Всегда начинают с "казахстанской ссылкой" шутки: "Когда обещают нас домой отправить?" Потом интересуются, что говорят о нас в Европарламенте, ПАСЕ, Страсбурге. Скажут они, наконец, Путину, что пора остановить войну, или опять промолчат? Затем обычно разговор переходит на печальные темы: о погибших или пропавших без вести родственниках, о вечных "зачистках", о тоске по несуществующему дому...

У кого-то всегда можно взять последний номер любимой газеты "The Chechen Times", которой очень гордятся европейские чеченцы.

Они все сегодня будут готовить

Встреча соплеменников из разных городов Европы

в своих домах жижиг-галнаш и приглашать друг друга в гости. И приглашенные, конечно, придут, будут есть и приговаривать, что давно не бывало такого вкусного ужина!

Если ты тоже хочешь попасть на жижиг-галнаш, зайти в подъезд любого дома, а там уж по запаху чеснока определишь, где тебя всегда с радостью ждут!

Самые красивые чеченки тоже обитают в Антверпене. Вернее, в Антверпене их больше, чем в других городах.

Напротив вокзала находится Мировой Торговый Центр, где располагается "Клуб миллионеров". Там можно встретить Розу, изящную блондинку, разговаривающую на нескольких языках. Нет, она еще не миллионерша, работает пока в этом заведении менеджером.

Комета — врач-кардиолог и красавица. За два года она выучила фламандский и английский языки, подтвердила свой диплом врача и отучилась в Левенском Университете, который входит в четверку лучших в Европе. Теперь работает в большой больнице, лечит бельгийцев.

Ранса и Мадина тоже учатся в Университете, в Антверпене. Они юристы, изучают здесь международное право. Перед такими красавицами никакой судья не устоит, все дела будут выигрышными!

Когда в Антверпене свадьба, сюда съезжается молодежь из Франции, Голландии, Испании, Италии, Германии и Англии. За несколько месяцев все обзванивают всех и начинают ждать этого события, кажется, даже нетерпеливее, чем жених и невеста. Ведь на свадьбе можно, наконец, увидеть парня, знакомого по Интернету, да и родители могут выбрать невесту

для своего сына.

Среди молодежи немало студентов Сорбонны, Кембриджа и остальных престижных университетов Европы. Многие молодые люди, в совершенстве овладев европейскими языками, работают в государственных структурах. Девушки по большей части изучают языки, но в их среде также очень популярны дизайнерские специальности. Так что недалеко тот день, когда у нас появятся свои "Коко Шанель" и "Нины Ричи"!

Есть в Бельгии еще один очень чеченский город — Вербье. Он находится на французской стороне, то есть в Валлонии, у самой границы с Германией. Этот город даже называют Чечен-аулом. В его центре живописный скверик с фонтаном, окруженный красивыми скамейками, очень похожими на грозненские. Это место и облюбовали бывшие жители Грозного. Каждый вечер собираются здесь группы по возрастам: бабушки-дедушки, матери с детьми, молодежь и, конечно же, барахтающиеся в воде детишки. Так и тянет побродить вокруг фонтана, послушать родную, милую сердцу речь! Ну чем не Грозный!

В Бельгии, да и во всей Европе иностранцу очень трудно снять жилье. Так вот, в Вербье владельцы домов охотнее всего сдают квартиры чеченцам — проживут всего какой-нибудь год (наверное, ищут что-то похожее на родной дом...), но ремонт за это время сделают на всю жизнь. В результате цена на жилье повышается, и в объявлении уже пишут: "После люкс-ремонта".

Брюссель — город дорогой и шумный. У чеченцев он прежде всего ассоциируется с Комиссариатом по делам беженцев, который находится тут же, около Норд-вокзала, куда все

беженцы и прибывают. Не стану утверждать, будто это главная достопримечательность бельгийской столицы, могу сказать лишь, что чеченцы предпочитают обходить стороной это здание, где судьба любого, претендующего на статус беженца, может решиться как положительно, так и отрицательно. Лучше не маячить там, к тому же все здание, говорят, напичкано камерами, вдруг спросят: чего ты здесь ходишь? Уж не желаешь ли еще одно интервью сдать (каждый беженец должен сдать два интервью, где он объясняет причины, по которым покинул свою страну)?

В том же Брюсселе находятся офисы почти всех международных организаций: Европарламент, Еврокомиссия, НАТО и штаб-квартира чеченской диаспоры — Ассоциации Бельгийских Чеченцев.

Для покинувших родину людей Ассоциация что мать родная. Здесь можно получить консультацию по правам беженцев, ознакомиться с Женевской Конвенцией, Дублинским Договором. Тебе помогут нанять адвоката, поговорить с ним. Многим чеченцам отказывают в убежище, ссылаясь на недостаточность доказательств, что соискатель приехал именно из Чечни. Так вот, Ассоциация обладает юридическим правом подтверждать этническую национальность.

Те, кто работает в Ассоциации, делают это безвозмездно, а на некоторые расходы диаспора собирает деньги, делая небольшие взносы.

В общем, община живет полноценной жизнью. Есть уже две школы, где изучается чеченский язык, имеется детский танцевальный ансамбль, планируется создание музыкально-драматического театра.

Недавно было объявлено о создании при Ассоциации молодежного движения "К миру через познание мира!", цель которого — консолидация всех молодых чеченцев в Европе. Основная программа — образование, культура, спорт. С ребятами уже выявили желание работать члены Всебельгийской студенческой организации. Они предложили провести совместную манифестацию 23 февраля — в день траура чеченцев.

Если ты хочешь быстро и хорошо выучить французский, фламандский, английский, испанский, итальянский, португальский или арабский — иди и поступай в языковой институт в Укле (район Брюсселя). Тебе это обойдется только в 10 евро за год. Кажется, половина студентов там уже чеченцы. И не только молодые. Роди-

тели учатся вместе со своими детьми к неудовольствию последних, зато первых это нисколько не смущает. Зачастую родители лучше сдают экзамены и по-французски ругают своих ленивых чад.

Брюссель — город большой, и чеченцы живут в нем очень разбросанно. Ты можешь целый день бродить по Большой площади, мимо старинных резиденций монархов и кардиналов, по Королевскому парку, по саду "Ботаник", где собраны уникальные деревья и кустарники со всей планеты, но не встретишь ни одного чеченца. И не потому, что чеченцы не любят там гулять, просто в городе очень много таких мест, и хотя чеченцев тоже немало, их, к сожалению, не хватает на эти парки и площади.

Чтобы непременно повстречать

тех иногда кое-что оставляют себе для продажи), картины старых мастеров (можно наткнуться на истинное сокровище, если ты знаток). И все это стоит недорого, да еще продавцы сами же и привезут твои покупки к тебе домой.

Вообще базар работает три дня, но самый живописный день — воскресенье. Продавцы, в основном марокканцы, зазывая покупателей, орут так, будто их режут: "Всего один евро! Всего один евро, мадам! Для вас что-нибудь сверху!" Очень сложно пройти, не купив. Почему-то кажется, если сейчас не купишь, то не сделаешь этого никогда.

Есть в Бельгии и другие города, где компактно поселились чеченцы. Один из них — Арлон. Он находится на самой границе с княжеством Люк-

сембург. В основном там обосновались аккинцы. В этом районе работы полно, и аккинцы трудятся круглосуточно. В Остенде тоже много чеченцев, наверное, их привлекают море, пляж, курорты. Правда, море — Северное, и погода не очень пляжная. Разве что одну-две недели можно понежиться под солнцем, а вода все равно холодная.

Вообще-то в Бельгии чеченцы живут везде, во всех провинциях и городах. Общее количество наших в Европе — около 25-30 тысяч, и 5 тысяч из них проживают в маленькой Бельгии, которая размером в две Чечни. Естественно, проблем с общением нет, все друг друга знают и часто ездят в гости, благо дорожные расходы минимальные. У каждого чеченца есть 50-процентная скидка на проезд по железной дороге и годовой проездной на междугородние автобусы, который стоит 25 евро.

Кроме чеченцев, в Бельгии встречаются еще бельгийцы. Они в основном предпочитают жить в маленьких городках и деревнях. Кстати, чем меньше город, тем он богаче. А в деревнях вообще живут богачи, понастроив себе красавицы-виллы. Средний дом в деревне не купишь меньше, чем за миллион евро. Вот так, колхозники! А если какому-нибудь счастливчику повезет снять дом в такой деревне, жители всем миром будут его устраивать, дарят все: от чайной ложки до автомобиля, лишь бы приезжий

позволил им заниматься благотворительностью! Особый патронаж они берут над детьми, возят их вместе со своими по всей Европе. И на отдых в Испанию, и в Диснейленд в Париж! Бельгийцы, которые контактируют с чеченцами, с большим сочувствием относятся к нашей трагедии. Они совместно с чеченской общиной проводят встречи, конференции, устраивают выставки по Чечне, куда приглашается широкая публика. И никто не относится к чеченцам, как к потребителям, которые приехали пожить за их счет. Они понимают, что только драматические события заставили людей сниться со своей земли, и как только закончится война, многие вернутся домой.

Дом! Родной Дом! Все встречи чеченцев в Европе заканчиваются пожеланием друг другу в следующий раз встретиться дома. Ни на какие прелести Европы, дворцы, сады не променяют они свой сожженный, разграбленный, взорванный вандалами Дом! Они вернутся и поднимут его на том же фундаменте, который каждый возводил с любовью и навсегда.

А рядом будут стоять ресторанчики "Антверпен", "Брюссель", "Париж", "Марсель", "Амстердам", "Барселона", "Милан" и многие другие, как открытки из доброй Европы, когда-то приютившей чеченцев...

До встречи в Грозном!

Чеченская молодежь в Бельгии

их, лучше всего отправиться на базар "Клемансо" в воскресенье после обеда. Накупишь уйму фруктов и овощей за чисто символическую цену (можно за 1 евро купить ящик киви, апельсинов, персиков и т.д.) и увидишься почти со всеми брюссельскими чеченцами.

"Клемансо" — это вообще чудо. Там можно купить все — телевизор, холодильник, очки, телефоны последней марки, одежду из самых что ни на есть фирменных магазинов со срезанными этикетками (товар не ворованный: после распродаж некоторые бутики отдают остатки в благотворительные организации, работники ко-

сембург. В основном там обосновались аккинцы. В этом районе работы полно, и аккинцы трудятся круглосуточно. В Остенде тоже много чеченцев, наверное, их привлекают море, пляж, курорты. Правда, море — Северное, и погода не очень пляжная. Разве что одну-две недели можно понежиться под солнцем, а вода все равно холодная.

Вообще-то в Бельгии чеченцы живут везде, во всех провинциях и городах. Общее количество наших в Европе — около 25-30 тысяч, и 5 тысяч из них проживают в маленькой Бельгии, которая размером в две Чечни. Естественно, проблем с общением нет,

Тамара АХТАЕВА

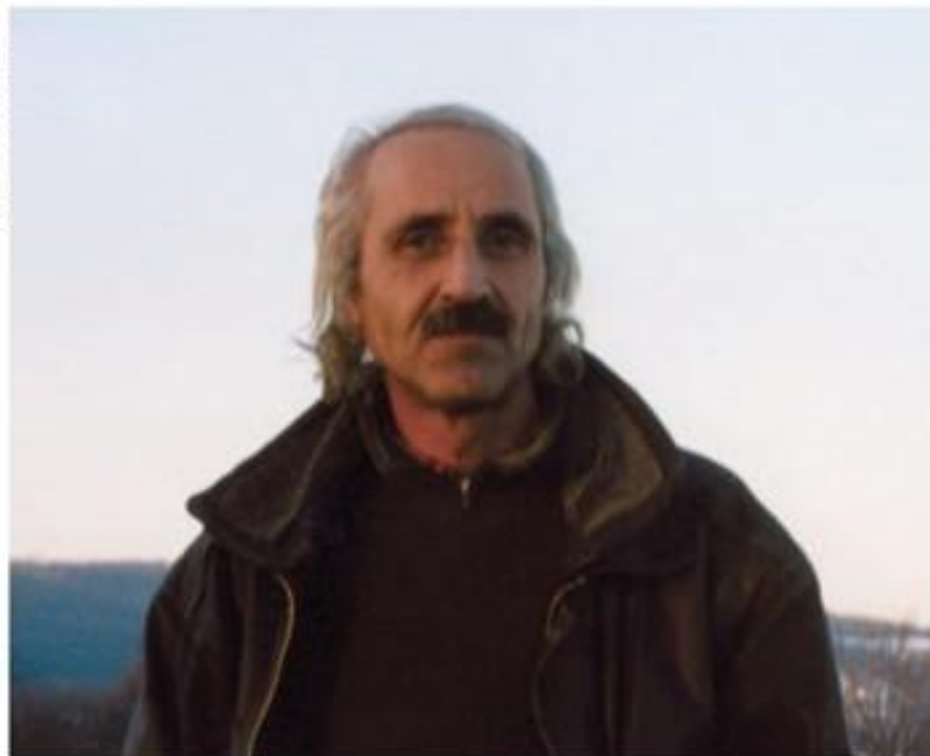
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ХУДОЖНИКА

В культуре каждого народа, в наработанных его вековым опытом традициях воспитания детей, почитания старших, общения людей между собой и отношения их к самим себе всегда есть немало драгоценного. Так же, как и в духовном строе, эстетических пристрастиях народа. К сожалению, если говорить о чеченцах, надобно признать, что события последних десяти лет многое разрушили в нашей культуре, во всем жизненном укладе.

Перемены выглядят трагично... В погоне за материальными благами, в борьбе за выживание, обнищавший, доведенный до отчаяния народ и духовно бедствует. Представления о моральных ценностях размываются. Горько видеть трансляции на местном уровне всякого рода празднеств, светских вечеров, по меньшей мере странных на фоне разрухи и страданий, когда республика в руинах.

К сожалению, богатые и власть имущие, как водится, не жалуют тех, кто решается указывать на их недостатки и пороки. Это воспринимается как злонамеренность, хотя люди, которые отваживаются на подобную критику, не только не причиняют этим зла, а напротив, помогают исцелиться от недуга. Неведение своих несовершенств опасно. Это я о наболевшем: в Чечне видишь много такого, что причиняет боль. Но сейчас моя основная цель совсем другая.

Хочу рассказать о Джамирзе Эпендиеве, художнике из Чечен-Аула. Этот человек — один из тех, знакомство с кем способно развеять миф о чеченцах-бандитах, социальный стереотип, по вине безответственных СМИ закрепленный в массовом сознании. Пора, наконец, пока-

зать обманутым пропагандой людям чеченцев мыслящих, талантливых, интеллектуальных... Доказать, что чеченцы не только воевать умеют, но и созидать.

Джамирз начал рисовать рано, еще в школьные годы. С тех пор не раз бросал. Но призвание берет свое, не отпускает, а в годину бедствий оно оказалось особенно неодолимым. Большую часть своих работ художник создал летом 2003 г., после пережитых ужасов войны. Притом в жанре, не столь модном по нынешним временам и совершенно не признанном традициями ислама: Джамирз портретист-реалист. Какие образы старых чеченцев он запечатлел! Говорит, что эти старики у него ассоциируются с его предками. Выразительность работ Эпендиева необычайна, его реализм отнюдь не фотографичен, художник передает свое мироощущение...

Самое поразительное в его портретах — глаза. Это ведь и вправду зеркало души, — утверждает автор, — они говорят без слов.

Вглядываясь в его картины, постигая, сколь красноречиво их молчание, нельзя не почувствовать, что Джамирз очень много пережил... Что до повседневного уклада, он живет более чем скромно: в уединенном старом доме, погруженный в насыщенную, но одинокую внутреннюю жизнь, страдая от того, что люди — друзья, соседи, родные — в большинстве не понимают его...

Размышляя и вслух, и в своих работах, Джамирз говорит, что чеченский на-

Картины Д. Эпендиева

Скульптуры Д. Эпендиева

речь идет о чем-то большем, чем самосозерцание творческой натуры, коль скоро предполагается также эмоционально-ценностное отношение к себе и к окружающему.

Давно сказано: "Познай себя, и ты познаешь Вселенную и богов". Такой взгляд на вещи близок миропониманию художника. Когда Джамирз творчески воспроизводит свои наблюдения, объектом которых являются его психическое состояние и действия, он тем самым ищет пути к постижению божественной сути бытия.

Джамирз любит философствовать. И особый его интерес вызывает именно такая нематериальная субстанция как душа... Он увлекается древнегреческой, индийской, китайской философией, но руководствуется все же исламом. Считает себя набожным, соблюдающим религиозные обычаи мусульманином. В подтверждение тому могу засвидетельствовать: во все время нашего общения он не забывал своевременно совершать намаз. Будучи до некоторой степени сведущей в вопросах религии, я спросила, как он относится к тому, что его творчество с канонической точки зрения греховно, ведь Аллах запрещает создавать зримые образы людей и животных, так как в Судный День ему надо будет и их тоже оживить? Его ответ хоть и может показаться слишком смелым, но трудно не признать его логичности: "Я этому нигде не учился, все, что я делаю, заложено свыше, мой талант — Дар Божий. Значит, Аллах Всепрощающий и Милосердный может простить мне это прегрешение хотя бы потому, что ничего другого я делать не умею". В последнем я убедилась, окинув взглядом комнату: этот человек легче нарисует десятки портретов, часами просидит над скульптурной резбой, чем вымоет для себя хотя бы одну чашку.

Природа весьма щедро одарила Джамирза. Помимо изобразительного искусства, он так же самостоятельно занимается искусством декоративно-прикладным: рельефной резбой на плоскости, а также и резбой более объемной, скульптурной. Он создал скульптуры удивительной красоты, очарование которых тоже неразрывно связано с духовной культурой чеченского народа.

При всех этих достижениях Джамирз очень, быть может, даже слишком скромный. Подумать только: он до сих пор нигде не выставался, если не считать первой и пока что последней выставки, организованной в национальной библиотеке перед парламентскими выборами.

род могут спасти вера в Единого Бога и возврат к своей исторической культуре. Сам он верит в переселение души, в то, что она бессмертна. Отсюда владеющее им мистическое ощущение, что все нарисованное как-то связано с предыдущей жизнью души.

На вопросы вроде того, откуда берутся образы и как называются те или иные работы, он отвечает с обескураживающей простотой, но если вникнуть, постараться заглянуть в его таинственный мир, можно понять, что художник имеет в виду следующее: душа чувствует, рука творит, глаза видят, разум осмысливает то, что уже в памяти. За спонтанной работой сознания следует оценка этого труда души, своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, иначе говоря, оценка самого себя как мыслящего, чувствующего и деятельного человека. Таким образом,

Мария КАТЫШЕВА

КОГДА РУШИТСЯ МИР...

Давно это было. На отделении вайнахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета проходила встреча с известными в республике писателями. Преподаватели чеченского языка и литературы, специалисты по фольклору, работающие на кафедре, часто устраивали своим питомцам такие встречи. Неформальное общение будущих учителей родного языка и литературы, многие из которых сами пробовали писать, и признанных мастеров было взаимно полезным.

В тот вечер гостями студентов были Ахмад Сулейманов, Шайхи Арсанукаев, Магомед Мусаев, Алвади Шайхиев, другие патриархи чеченского художественного слова. Хозяева подготовили им сюрприз: выступления университетских талантов — начинающих поэтов и прозаиков. Вот корифеи один за другим прочитали свои произведения, сказали свое веское напутственное слово и снисходительно пригласили слушать робкие, как ожидалось, литературные попытки юных дарований. Но то, что они услышали, поразило их. Ребята читали вполне зрелые, насыщенные глубокими раздумьями и нестандартными образами произведения. Они смотрели на мир глазами, не зашоренными цензурными требованиями, загоняющими художническую мысль в рамки социалистического реализма. То была поэтическая молодежь, выпестованная в колыбели народной поэзии, древних преданий, старинного эпоса Илли. Впоследствии она даст целую когорту сильных, самобытных чеченских авторов, достаточно назвать имена Мусы Ахмадова, Ислама Эльсанова, Лечи Абдуллаева, Мусы Бексултанова... Тогда, на университетском поэтическом вечере, этой свежей силой повеяло от первого же выступления — Баны Гайтукаевой. Но все просто опешили, когда начал читать свое стихотворение Апти Бисултанов. В памяти многих участников того далекого вечера осталась эта картина: с одной стороны — вдохновенный юноша, почти мальчишка, страстно декламирующий свои строки, а с другой — маститые писатели, профессионалы, пораженные явлением нового Поэта. Напрашивалась как бы сама собой ассоциация: Пушкин, выступающий перед Державиным.

Когда речь заходит о поэзии Апти Бисултанова, многие так и говорят: дескать, это наш чеченский Пушкин. Однако, как мне представляется, любые аналогии здесь некорректны. У каждого творца свой и только свой неповторимый путь. Каждый вносит свой золотой вклад в копилку мировой культуры. По мнению литературоведов и критиков, по оценкам читателей, А. Бисултанов — самый неординарный, яркий из современных чеченских поэтов. Его поэзия насыщена особой энергетикой, будоражащей душу, образы его лирики заставляют трепетать потаенные струны чувств. «Юноша томный с негой во взоре»... Такой традиционный портрет молодого стихотворца к Апти никогда и никоим образом не подходил. Даже в ранней юности. — Порывистый, дерзкий, он был чужд томонности. И какая там нега: во взоре — сталь. Слегка небрит. Горделивая осанка, что-то задиристое в манерах. Четкое ощущение божественного дара и несомненная осознанность своего предназначения. Не просто стихотворец, не только учитель словесности, но — гражданин в полном смысле слова. Он наметил эту стезю в посвящении Магомеду Мамакаеву, давно, еще на заре перестройки, не предполагая даже, что предопределяет и свою собственную участь:

**Поэт сегодня живет там,
Где кровью своей приходится защищать человечность,
Достоинство, честь.**

**Живет он в сердце народа своего,
Песнями закаляя характер героев.**
(Подстрочный перевод)

ОТЕЦ

...Маленький мальчик бежал по лугу и плакал. Он убегал, чтобы не показать людям свою боль, ведь он чеченец, мужчина. Но боль была такой острой, что слезы катились сами. На лесной поляне он упал в траву и предался безутешным рыданиям. В тот день он потерял отца. Первая утрата была столь горька, что впоследствии, когда он рос, мужал, из школьника стал студентом, потом учителем родного языка и литературы, редактором журнала — сильнее боли не испытал. То детское потрясение вошло в его творчество пронзительной нотой: "Будет бежать моя боль... Звонкая боль у меня: она звенит, разбиваясь обо все границы земли. Ненавистны моему сердцу границы..." Так говорит он в одном из самых значительных своих произведений "Поэма, как она есть". Размышления поэта ведут от конкретного, локального — к абстрактному, от земляничной поляны на окраине села Комсомольское — к всечеченскому и далее, к всемирному. Это раздумья о судьбах мира, о своем месте в нем, о предназначении творца. Поэма построена в форме философских диалогов с безвременно погибшим отцом, который поверил тишине, а она нанесла ему удар в спину. Тишина обманчива, ей нельзя верить — здесь философские размышления автора достигают мистической силы пророчества: поэма была написана в 80-е годы, в период так называемого застоя, когда и представить было невозможно, что на исходе столетия тишина взорвется странной войной в Чечне, а родное село Апти Бисултанова Комсомольское — Саади-Котар, расстрелянное и сожженное на виду у всего мира, станет одним из символов чеченской трагедии.

...Молодому поэту на рассвете является покойный Дибя, его отец. С упреком: "Очаг-то ветшает, парень...". Сын оправдывается, ведь он убегает от быта, так как занят более важными и высокими делами, а свой дом — не самое главное: "Я песни слагал от имени всего мира, на лицо мое легла соль человеческих страданий. Боль мира захлестнула мою колыбельную сказку. Опасность, грозящая миру, разлучила меня с детством. Вселенная казалась мне очагом отцов, домом. Меня в последний путь проводят мои песни". Но Дибя резко обрывает его: "Нет у тебя песен, коли за свой земной срок дома не построил, огня не зажег в очаге, коли по весне и по осени твои руки не покрывались мозолями. Покуда пахота не растолковала тебе, какова цена пота, равных миру песен ты не создашь. Человеку надо быть хозяином очага, если хочет, чтобы мир полюбил его. А слова — всего лишь слова, будь они красивы или бесцветны. Или ты забыл, что ты сын воина? Что ты хочешь спасти, если нечего тебе спасать? Отчизна — ветер, если ее не держат корни дома, свет очага. Я это понял, когда самому пришлось встать на страже..."

МАТЬ...

"Я видел тень молнии на лице своей матери", — напишет Апти в одном из своих сборников. Да, Пакант и Дибя были для него не просто людьми, давшими жизнь. Слова "Дада" и "Нана" олицетворяли вселенское божественное начало. Не случайно в сложной системе образов бисултановской поэзии образы Дады и Наны занимают центральное место и наполнены сакральным смыслом. Тихая, безропотно и терпеливо сносящая удары судьбы, неустанно хлопочущая по дому маленькая худенькая женщина сумела стать после гибели мужа крепкой и надежной опорой сыновьям, вырастить их трудолюбивыми, честными, совестливыми и бесстрашными. Они отвечали ей глубоким почтением.

Мне не раз доводилось видеть сияние нескрываемой нежности на лице Апти, когда в кругу друзей он говорил о своей матери. Недавно ее не стало. Ангелы унесли в заоблачную высь ее душу, чтобы она забыла страдания, перенесенные на земле. Хрупкой женщине, познавшей горечь утраты самых близких, пережившей тяжесть несправедливой войны, которая разрушила ее дом, достался жребий, что выпадает не каждой матери — трудная участь быть матерью Поэта.

ОТЧИЗНА

...Ноябрь 1994 года.

Мокрый снег. Зябко, слякотно, мрачно. Все охвачено тревогой, предчувствием беды. Какое-то всеобщее истощение — моральное, физическое, да и материальное. Впереди, всего в нескольких сутках, черной змеей притаилась за Терекон война. Ее близость ощущали, но все же не хотели верить, что Кремль решится на этот чудовищный шаг. Жизнь еще продолжалась. В здании бывшего Дворца пионеров, холодном и сыром — два года не топили — собрались почитатели таланта Апти Бисултанова.

Министерство культуры республики по их инициативе организовало творческий вечер поэта. Удивительно, но в тот день выглянуло солнце, потеплело. На эту встречу собрались практически все оставшиеся в республике интеллектуалы, ценители поэзии. Никакой особой подготовки не проводили — ситуация не позволяла. Но слух о вечере все же разнесся, люди, истосковавшиеся по красоте, по высокому слову и умному общению, спешили на этот праздник поэзии. Он получился невероятно светлым, хотя каждый, наверное, чувствовал щемящую тоску, что сопутствует прощанию с Родиной. Никто не знал, что ждет его завтра, какой ему выпадет жребий, как сложатся судьбы остальных. Никто не предчувствовал, что скоро один из участников вечера — замечательный театральный режиссер и прекрасный человек Хусейн Гузуев — падет в центре города, сраженный снайперской пулей.

А кому бы в голову пришло, что сам герой вечера, относящийся к Родине, к равнинам и горам, ручьям и лесам отчей земли так же нежно, как к матери, станет изгнанником? Единственный за долгие годы праздник такого масштаба, такой высокой одухотворенности был пронизан трагической нотой. Как полонез Огинского.

**В Хайбахе, в Хайбахе,
В Хайбахе...
Горят люди и животные,
Горят молитвы,
Горит пустая
Могила моего народа...**

Апти читал стихи, приведенные здесь в подстрочном переводе, так самозабвенно и проникновенно, будто слова выходили из глубин его сердца.

Оно воистину принимает в себя боль родной земли. Недаром кто-то из великих сказал фразу, ставшую на века крылатой: "Когда рушится мир, трещина проходит через сердце поэта". Трещина, разделившая чеченский народ на дудаевцев и завгаевцев, на кадыровцев и масхадовцев, прошла по сердцу Апти Бисултанова.

В тот вечер он — уже в который раз — говорил о необходимости внутринационального объединения, взаимного прощения:

— Я никогда из-за политических мотивов не стану врагом ни одному чеченцу, зря кое-кто пытается возводить на меня в этом плане напраслину. Каких бы взглядов мой собрат ни придерживался, я не буду судить его... Нас мало, и мы должны беречь друг друга. Надвигаются очень трудные времена. Просил бы всех быть милосердными, не допускать жестокости по отношению друг к другу хотя бы перед лицом надвигающейся катастрофы...

"В тот день я состарился навсегда", — так скажет Апти о дне, когда началась война. Тогда он увидел первого убитого. Потом

Апти Бисултанов

мертвецов станет много, очень много, и война состарит всех в Чечне, даже маленьких детей...

...Прикрыв глаза, как прикрывают старцы, поющие намы, полностью уйдя в себя, отрешившись от всего мира, он читал свою балладу о родине:

Derlasta... Derlasta... Derlasta, — этот рефрен пропахивал души телезрителей, как пропахали чеченскую землю гусеницы танков. Один из тех, кому в 1996 году довелось услышать это выступление Апти Бисултанова, человек, закаленный многими жизненными невзгодами, признавался, что тихий голос поэта пробирал до мурашек. Почти шепот, он звучал как набат. Перед слушателями был не профессионал, по-актерски искусственный в искусстве декламации, а человек, изливающий душу, исповедующийся в сыновнем преклонении перед истерзанной Отчизной. Он прошел долгий путь. Когда-то его юный голос звучал так:

**Белой лошади сказку свою расскажу я...
Грусть сплету из косы и печали твоей.
На Чеченской равнине в полет провожу я
Покидающих нас золотых журавлей...
Там, где кровью калина в тоске истекает,
Я прощенья у всех за грехи попрошу.
И в чеченских горах, там, где ветер рыдает,
Я из слез твоих грустную песню слою.
Из твоих миражей нашу башню построю
И расчищу поляну в лесу за рекой.
И в чеченских горах, оглушенных зимой,
Я один на один повоюю с судьбой...**

(перевод Ии Николаенко)

От этого лирического стихотворения, написанного еще в студенческие годы, было еще далеко до высокогражданственного "Derlasta". Но талант Бисултанова мужал. От сборника "Дом, плуг, очаг" его дорога шла все выше к книгам "Одна песня", "Тень молнии"...

Литературоведы Чечни считают Бисултанова первым среди его коллег по творческому цеху. Тому порукой и безукоризненная техника стиха, и богатство поэтических образов, каким поражает каждое его произведение. Было замечено, что эта специфика бисултановского "почерка", своеобразность его авторского стиля создает повышенные трудности для переводчиков. Практически непередаваемые, эти стихи потому и остаются до сих пор

Теперь он и впрямь стал искрой, зажженной от огня народно-го сердца, вместившего страдания и дудаевцев, и завгаевцев, и масхадовцев, и кадыровцев, ведь для поэта все они — родные и любимые соплеменники, чеченцы, которых мало; ныне эта живая искра обжигает весь мир словами правды о судьбе многострадального народа.

**Чей дом сгорел, тот новый обретет,
Когда поймет, что он в живых остался.
Кто бросил дом, вернется: для чеченца
на веки вечные судьба — Чечня.
Кто благ земных лишился, их получит,
Кто мать утратил и отца, того
Утешит время и гордыню сердца,
Смирив, окаменевшего в печали,
Научит новых радостей искать.
Война добро от зла отъединяет,
Являя в чистом виде суть вещей,
Наступит мир, и все смешает время,
Лишь в памяти, как горные вершины,
Застынут лица павших за свободу.**
(Подстрочный перевод)

Еще задолго до войны Апти Бисултанов сказал в интервью, которое давал газете "Голос Чеченской Республики": "Рассказывают, что Бог сперва сотворил души, а потом создал мир и говорит этим душам: 'Кто хочет довольствоваться миром — берите свое, идите'. Часть душ выбрала мир и удалилась. Затем Бог создал рай и предложил его душам. Многие выбрали рай. Наконец, Он создал ад. Нашлись и такие, что выбрали его. Но некоторые души остались. Всевышний удивился: 'Я вам дал мир — вы не захотели. Я вам дал рай — вы отказались. Дал ад — тоже не хотите. Чего же вам надо?' " О Создатель! — отвечали души. — Мы одного хотим: быть с Тобой. Ты нам нужен. Не потому, что иначе Ты накажешь нас адом, и не за то, что мы можем попасть в рай, если будем любить Тебя. А потому, что Ты есть, Ты нас создал". Этой притчей я сегодня хочу сказать и друзьям, и незнакомым, всем людям Чечни только одно: родину надо любить не за то, что у нас нефть, не за то, что горы... А за то, что она есть — несчастная, истерзанная, все еще продолжающая блуждать во мраке. Но мы — ее дети, другой родины нам не дано. Вот и все".

Минули годы. Разразилась война. В биографии поэта пролегли новые дороги, они привели к другим городам и странам. В сердце навеки осталась рана — след воронки от уничтоженного родного села Саады-Котар. Но жизненное кредо не изменилось. Вот и все.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ (В оригинале) «НАНА»

Шарбан кошан барз ца ийши,
Ларбан кьора некъ ца ийши,
Нана, Нана, г1айг1анаша
Хьан дог-ойла кьиза г1ийши.

Малхал сирла, баттал кьовжа
Деле кхойкху екъа коьжалг,
Нана, Нана, д1асабаьржи
ах сел хала кхаьбна доьзал.

Хьан саг1а сан хехо хили,
Хьан до1а сан дарба хили,
Нана, Нана, кху дуьненахь
Хьан сингаттам сох ца тили,

Гена валарх, герга варах,
Хьан тхов к1елахь, эрна арахь
Нана, Нана, хьан б1аьрхиша
Со ларви-кха эрна варах,

Эрна кхиарх, эрна леларх,
Эрна велхарх, эрна веларх...
Нана, Нана, нагахь нислахь,
Сан валар ахь кьобалделахь.

Гуйьре йоло некъаш дац сан,
Суьйре теян х1усам яц сан,
Нана, Нана, хьо кьинт1ера
Ялалц, вижа лахьта дац сан.

неизвестными российскому читателю. Как-то в Пятигорске задумали издать антологию классиков Северного Кавказа. Литературоведы-составители предложили, чтобы чеченскую поэзию в ней представляло стихотворение Апти Бисултанова "Дег1аста". Один из мастеров слова сделал перевод, с которым согласился и сам Апти. Но когда специалисты сверили перевод с оригиналом, то увидели, что там есть все, кроме главного — неповторимой индивидуальности Апти. Хорошее стихотворение, но — по мотивам. Кто-то из них по этому поводу выразился так: "Оно даже и на расстояние выстрела не приблизилось к бисултановскому".

"...Как вернуть смысл моему языку в час всеобщего хаоса? В час, когда деревья в парке — это одновременно и ковчег для многих поколений, и просто помеха для артиллериста. В час, когда пресс бомбардировщиков всей своей тяжестью придавил города и заставил целый народ черным соком разлиться по дорогам... Это чрево огромного котла, в котором медленно кипит война. Забитые дороги, пожары, брошенное военное имущество, разоренные деревни, хаос...невообразимый хаос. Люди бессмысленно копошатся...", — он перечитывал эти строки Антуана де Сент-Экзюпери, написанные давным-давно, в другое время, в другой стране, о другом народе. Но могло бы относиться и к его народу, к его стране и времени — лицо войны не меняется. Это его ученики погибали в боях. Это толпы его братьев и сестер, превращенных в беженцев, черными потоками разливались по дорогам. Люди, для которых земля предков была святыней, и где бы ни носила их жизнь, последний приют они должны были обрести на родине, те, что везли в Чечню даже прах своих родственников, умерших в тринадцатилетней казахстанской ссылке, — эти люди становились изгоями, распыленными по всему свету. Это их в самом прямом — физическом — смысле слова заставляли склоняться до земли, ползти многие километры по грязной жиже под градом пуль, не дающих им поднять свои гордые головы.

Поэты — искры, взлетающие из гущи своего народа, — сказал кто-то из великих. Не знаю, вспоминал ли это Апти, когда в одном из ранних стихотворений признавался:

**Хочу весь мир обнять, пока живу,
И все познать, все видеть наяву,
Хочу вобрать родной земли красу
И пасть на землю, превратясь в росу.
Хочу народы всей земли собрать
И чтоб за стол их посадила мать
В своем доме у горной речки быстрой.
И навсегда исчезнуть, ставши искрой...**

ПЕВЕЦ, КОТОРЫЙ ЖИЛ СЧАСТЛИВО, НЕ ЗАМЕЧАЯ БЕГА ВРЕМЕНИ

Чеченский Шарль Азнавур, культовый певец, кумир молодежи конца 80-х, неангажированная личность, автор знаменитой песни "Хеда", любилец тысяч поклонников — вот некоторые расхожие эпитеты в адрес того, у кого был, как любят говорить, талант от Всевышнего. Так же, как похвалы, которыми осыпали этого человека, можно перечислять его многочисленные регалии, официальные звания. Но для него это было неважно. Он не слишком задумывался о том, сколько у него почитателей самых разных, а ведь в нем души не чаяли молодые и пенсионеры, старые девы и школьницы, учителя и доярки, бизнесмены и бедняки, пессимисты и счастливчики, женщины с пуританскими понятиями и девицы легкомысленного нрава. Весь этот люд перебирал его песни, как шах свои сокровища или как дама — бриллианты в заветной шкатулке.

Он был из тех, кто живет чувствами, и творчество было его наслаждением. Обладая ценностями высшего порядка, не поддающимся девальвации, предпочитал скромный образ жизни. Пел о родном крае, о близких, о любимой. Воспевал и героев. Его песни отличались пленительной сладостью, отнюдь не исключавшей серьезности содержания. Нет, виртуозом его не назовешь. У него даже музыкального образования не было, так что бесперечь находились охотники указать ему его место в "табели о рангах". Но среди певцов он выделялся своим особым мелодичным голосом — даром природы — и своеобразной, присущей только ему манерой исполнения. Он не снисходил до попсовой дешевки, никогда не дрейфовал на гребне поп-, рок- или какой угодно другой музыкальной моды. Бурно восторгаться хитами, трубить о своих творческих успехах или расточать со сцены искусственные улыбки и ужимки, лишь бы завоевать симпатии публики — все это противоречило его флегматичной натуре. Он никогда не предавался неистовству, обходясь в работе без так называемой творческой лихорадки. У него был свой неповторимый стиль, и он хранил верность себе, чуждаясь эфемерных соблазнов.

Его голос напоминал то рокот шумящей в глубоком ущелье стремительной реки, такой, как Аргун, то лепет безымянного родника, звонким ключом бью-

Бисултанов Дидаров. Фото из архива У. Сагитова

щего среди скал. Смолodu, когда пел в простом сельском Доме культуры, он уже умел придавать своему сильному баритону это благородное, мягкое, гармоническое звучание, в чем-то родственное дикой природе гор. Его медлительному голосу, чарующе монотонному, ладно вторила мелодия дечиг-пандур в его руках. С годами его певческая техника оттачивалась. Став профессионалом на че-

чеченской эстраде, он с дивной артистической легкостью обнимал своим голосом всех зрителей, наполняющих зал, чтобы увести их от прозаической сиюминутной реальности в мир своих героев.

Некоторые песни становились хитами только благодаря обаянию его искусства. Он их исполнял так легко и просто! Его заслуга в том, что стали достоянием широкой публики забытые, можно ска-

зять, утраченные песни, встарь принадлежавшие исключительно устному фольклору. Многие строки его песен стали крылатыми фразами, а некоторые прочно вошли в молодежный обиход. Во время застолья тамада считает своим долгом процитировать его "Даймахахъ каш доцуш, дайх ала дош доцуш...". Его полные лиризма и остроумия песни "Оршот буйса" ("Ночь воскресная") или "Хьуна лаахъ" ("Если ты пожелаешь") могут послужить для любого джигита "инструкцией", разъясняющей, как покорить сердце возлюбленной. После себя он оставил богатое творческое наследие. На основании хронологии его творческой деятельности можно написать историю развития нашей эстрады за последнюю четверть века. Именно этот срок прошел с того дня, когда его баритон впервые зазвучал со сцены районного Дома культуры.

Надеюсь, наши культурологи еще напишут обо всем этом и достойно оценят его вклад в эстрадное искусство своего народа. Я же, не более чем скромный поклонник его таланта, позволю себе высказать лишь некоторые предварительные замечания, способные, как мне кажется, послужить своего рода прелюдией этой работы. Песни из его репертуара можно было бы разделить на несколько групп по манере исполнения и по тематике. Многим из них присущи задумчивая интонация и замедленный темп исполнения. Отдельную группу образуют песни о любви. В них с большой лирической тонкостью отражены чувства влюбленного джигита и отвергнутого жениха, душевное смятение, рождаемое страстью, переживания долгой разлуки. Что характерно, его героям не свойственна жажда мести, благородство — для них прежде всего. Эти песни обращены к сердцу, их конфликт — спор души с роком и самой собой. Переживания их героя раскрываются не только и не столько в сюжете, сколько голосом певца, выражающим его состояние, настроение, склад характера. Этот певец владел даром перевоплощения.

Другой важной темой его песен была красота Божьего мира. Горы и реки, зеленющие леса, нравы и обычаи народа, девичья прелесть и, конечно, родное село — все это отразилось в его творчестве. Что до песен, где он пел о любви к родной земле, о героях, об абреке Зелымхане, о доблести черкесов, их я выделил бы во вторую условную группу. Воспевая нравственную чистоту и достоинство предков, он обращался к своему поколению, хотел вдохновить его этими примерами. Призывал нас хранить память былого, хоть иногда возвращаться к славным старинным башням, заброшенным в горах: они ждут нас, и это не просто ка-

менные строения. Его сердцу они близки так же, как затерянные среди скал хрустальные родники, — для него эти поэтические образы символизируют устои чести и духовную высоту ушедших времен.

Пороки современного общества горько уязвляли певца, он болел душой за каждую забытую традицию.

Что до песен, годных для третьей условной группы, таких в его репертуаре нет. В эту группу обычно входят словесия в честь президентов, воспевание всяческого рода властей. Этой тематике он не посвящал ничего. Ни московским боссам, ни местным, ни системе в целом. Он не был прикормлен никем из сильных мира сего. В этом еще одно его достоинство.

Есть у него и одна совсем особенная, единственная песня, живущая особняком от всех классификаций, — та, что обращена к милой Хеде. В середине 80-х годов "Хеду" пела вся чеченская молодежь — от восемнадцати лет до тридцати. Не ошибусь, если скажу, что чувства ее влюбленного героя — первая юношеская страсть и первая разлука — пережиты едва ли не каждым. Проведи мы тогда в республике учет продажи пластинок, "Хеда" непременно выиграла бы "Золотой диск" местного уровня. Истинные ценители нашего эстрадного искусства поныне с нежностью вспоминают эту песню.

И, наконец, надобно вспомнить, что встречались в его репертуаре и песни комедийного жанра "Анзор и Зазу", некоторые из них он исполнял дуэтом ("Старик и молодая жена"). Таким образом, его творчество коснулось всего — и жизни простых людей, и страстей человеческих, и легендарной героики былого, и очарования природы.

Прошлым летом в Москве, куда его занесла нелегкая судьба, он проводил юбилейный вечер: 25 лет на эстраде. Мне выпала честь быть ведущим того концерта. В процессе его подготовки я ближе, чем раньше, познакомился с творчеством этого замечательного артиста. Ему очень хотелось не разочаровать своих поклонников, пришедших на этот вечер. Доказать им, что он еще не исчерпал свои возможности на чеченской эстраде. От меня, как ведущего, требовалось создавать в зале атмосферу веселья, сломать все барьеры между исполнителем и аудиторией, между сценой и залом. Быть конферансье от зрителей. И я постарался сделать этот вечер как можно более душевным. Между прочим, от большинства мероприятий такого рода он отличался тем, что там не было специально приглашенных влиятельных персон. Но многие пришли сами, чтобы воздать юбиляру должное, выразить почтение.

Его голос, мощный, мелодичный,

в тот незабываемый вечер звучал, как целый хор.

В его адрес прозвучало много лестных слов. Мне же особенно запомнилось, как сказал кто-то из зала:

— Я один из его поклонников первой волны, представитель старшего поколения. Для меня чуть ли не каждая песня юбиляра ассоциируется с каким-нибудь событием моей личной жизни. Навсегда запомнилось, при каких обстоятельствах я впервые услышал ту или иную его песню. И среди моих друзей немало таких, как я...

Говорили в тот вечер многие. Каждый подмечал у юбиляра какую-нибудь отличительную особенность, пленяющую лично его, — черты не только творческие, профессиональные, но и человеческие. Для некоторых собратьев по искусству он был и учителем, и нравственным примером.

Один из коллег, пожелав певцу творческого долголетия, сказал, что мы еще обязательно соберемся на его юбилей, поменяв цифры 2 и 5 местами, то есть отметим 52-ю дату. Но ему не суждено было перешагнуть даже следующую годовщину. Когда мы вместе готовили тот юбилейный вечер, я спросил его, почему мы празднуем именно 25-летие. Он тогда ответил, что хочет дать последний концерт: подвести итог и уехать домой. Неуютно чувствовал себя на чужбине. Видимо, он обращался и к самому себе, когда пел о старинных башнях, ждущих в горах, о том, нельзя их забывать...

К великому огорчению бесчисленных почитателей его таланта, земной путь певца закончился, как только была исполнена его творческая миссия. Он прожил поистине счастливую жизнь, по собственному слову, не замечая бега времени. Ему было все нипочем, кроме одной лишь любви. Любви к жизни. Жаль, что он не успел спеть свою лебединую песню. Ведь его творческий потенциал был неисчерпаем. И так же не знала предела его человечность. Он хотел сказать нам: "Люди, отбросьте племенную кичливость! Ведь корни у всех нас одни! И земля, в которую ляжем, одна!"

Ведущим на последнем юбилейном вечере Билухаджи Дидигова был один из многочисленных поклонников его таланта **Сайд-Усман Яхиев**. В подготовке этого материала ему помогла не менее яростная почитательница певца **Бэлла Экажева**.

P.S. Редакция журнала "Дош" тоже была на том вечере. Поздравляя юбиляра, мы обещали подготовить для ближайшего номера публикацию о нем. Горько, что ей суждено увидеть свет после его кончины. ■

Тамила ДАЙЯ

Физкультура и спорт занимали важное место в жизни чеченского общества. Об этом свидетельствуют такие громкие имена как Хасимиков, Бадалов, Вараев, Шовхалов, Тарамов, Дугучиев, братья Сайтыевы и многие другие.

Среди чеченцев особенно популярны силовые виды спорта: вольная и классическая борьба, дзюдо, самбо, бокс и тяжелая атлетика.

К сожалению, драматические события последнего десятилетия довольно прискорбным образом отразились и на этой важной стороне жизни чеченской молодежи.

Возможности, которые современная Чечня предоставляет спортсменам, жаждущим роста, признания, самосовершенствования, увы, ограничены. А потенциал между тем большой, порукой тому успехи, которых чеченцы по-прежнему нередко добиваются на спортивном поприще, причем это не только рекорды местного значения, нам доступен и мировой уровень.

Многие наши ребята, волею неволей вынужденные покинуть республику, ныне выступают за государства, открывшие перед ними двери, принося им победы, блестяще выигрывая международные турниры Бельгии, Голландии, Норвегии, Германии, Турции и т. д.

В селе Самашки в бывшем здании Универмага, разрушенного в ходе военных действий, расположился Самашкинский филиал бокса ДЮСШ им. Лемы Дадаева. Тренеры **Бекмарз Арсаев, Хамзат Ахмадов, Алман** вместе со своими питомцами собственными силами восстановили здание, по частям собрали спортивный инвентарь и начали тренировки по боксу.

И тренеры, и ребята занимаются в тяжелых условиях, невзирая на недостаток оснащения спортзалов, отсутствие необходимой спортивной экипировки, не говоря уже о таком важном стимулирующем факторе как финансирование. Поражаешься их выдержке, силе воли, и наконец, тому упорству, с которым они стремятся проявить себя.

Полумрак, мерцание догорающих свеч, серые стены, тени, еле различимые лица тренирующихся боксеров, знобящий холодок нетопленного поме-

щения, который чувствовала разве что я — вот в какой обстановке готовятся, не побоюсь этого слова, будущие чемпионы, подрастающие сегодня... Сборная самашкинская команда по боксу уже выезжала в Гудермес, Ессентуки, на Всероссийский турнир в Минеральные Воды. И везде завоевывала первенство.

Гордость Самашкинской ДЮСШ им. Лемы Дадаева — **Хасанбек Ша-**

маев, Саид Мусаев, Мансур Исаев, Имран Дадаев и другие ребята, занявшие первые места по различным весовым категориям во Всероссийском турнире по боксу, проходившем в Минеральных Водах.

В перспективе тренеры хотят открыть и секцию по вольной борьбе, пока этому препятствуют затруднения, связанные с финансированием. Желаний много, да возможности скудные. Когда на турниры команда выезжает на свои средства и рассчитывает только на собственный ресурс, тут уж путь к победе воистину тернист.

Это важная, хоть и не единственная причина, почему многие наши спортсмены покинули пределы своей республики. Что делать, если только за границей они могут проявить себя в полной мере?

Отрадно отметить, что ныне, как и раньше, на международных турнирах Европы звучат славные имена олимпийских чемпионов братьев **Сайтиевых**, начинающих, но уже многого достигших **Заурбека Темурзиева, Зелемхана Дзейтова** и многих других.

Заурбек Темурзиев в октябре 2000 г. уехал в Бельгию, ему пришлось долго искать зала тяжелой атлетики, но в начале апреля 2001 года он благополучно возобновил тренировки. Уже в конце апреля того же года он принимает участие в чемпионате Фламандской зоны среди юниоров и занимает первое место в весовой категории 69 кг. А месяц спустя, 17 мая в Брюсселе, Заурбек в отборочных соревнованиях к чемпионату Бельгии занимает первое место. Чуть позже он блестяще выигрывает и сам

чемпионат Бельгии, попутно установив рекорд в толчке.

Заурбек очень напорист и добивается великолепных результатов, несмотря на то, что стал заниматься тяжелой атлетикой по спортивным меркам поздно, в 17 лет. На международном турнире в провинции Люксембург с участием команд восьми стран Европы Темурзиев снова одержал победу и получил специальную медаль за лучшую технику. На чемпионате французской зоны Бельгии в городе Лувьер Заурбек занял первое место в весовой категории 69 кг.

Есть все основания надеяться, что и на этом список его побед не закончится...

Даже на фоне международных побед наших земляков особое восхищение вызывает **Зелемхан Дзейтов**, в свои десять лет завоевавший такие награды, которыми мог бы гордиться любой именитый спортсмен. Зелемхан победитель международного турнира по греко-римской борьбе, проходившего в Голландии в апреле 2003 года. Этим мальчиком хвалятся сегодня не только чеченцы, но и вся Бельгия. Тем более, что гордиться есть чем: Дзейтов — неоднократный чемпион Бельгии по греко-римской борьбе в весе до двадцати пяти килограммов и обладатель множества призов и грамот.

Также хочется отметить **Ризавди Магомадова** (38 кг.) и **Ризвана Гантемирова** (32 кг.), ставших чемпионами Бельгии.

Для любого спортсмена величайшее испытание его сил, а в случае успеха и высшая точка карьеры — Олимпиада. Участие в олимпийских играх — заветная мечта и наших будущих чемпионов. Пожелаем им удачи!

Заурбек ТИМУРЗИЕВ

Зелемхан ДЗЕЙТОВ

МАРИНА АЙДАЕВА

С НОВЫМ
альбомом
«САН БЕЗАМ»

ДОШ

СЛОВО
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
№1(3)/ФЕВРАЛЬ 2004

Издатель и учредитель
«Общественная
организация
«Региональная
гражданская инициатива —
право на жизнь
и гражданское достоинство»
(председатель правления
В. Коган-Ясный,
исп. директор О. Чириков)

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций,
свидетельство ПИ №77-15652
от 9 июня 2003 г.

Адрес редакции:
РФ, 103982, г.Москва,
пер. Лучников, 4
тел. (095) 206-05-82
тел./факс (095) 206-88-52

Над номером работали:
Исрапил Шавхалов
(главный редактор)
Абдулла Дудуев
(зам. гл. редактора)

Ирина Васюченко
Георгий Зингер
Светлана Алиева
Степан Кашурко
Мария Катышева
Тина Брюссель

www.dosh-journal.ru
ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА

Тамара Ахтаева
Исмаил Курбахажиев
Лиза Умарова
Людмила Алдошина
Марьям Яндиева
Саид-Усман Яхиев

Макет и верстка
Паша Сахомув

Мнения, высказанные
в авторских материалах
и в интервью, не обязательно
совпадают с позицией
издателя и редакции.
Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат редакции.

Перепечатка без разрешения
редакции запрещена.
При использовании
и цитировании материалов
ссылка на «ДОШ» обязательна.

Тираж 5000 экз.
Отпечатано в ФГУП
«ПИК ВИНТИ»
140010, Россия, Люберцы-10,
Октябрьский проспект, 403.
Тел. (095) 554-21-86

Принимаются заказы на
размещение рекламы в журнале
«ДОШ»
e-mail: dosh1@mail.ru
doshdu@mail.ru

Хава родилась 8 мая 2003 года

**Всего в 2003 году в Грозненском роддоме №1 родились
3357 детей: 2014 мальчиков и 1343 девочки**